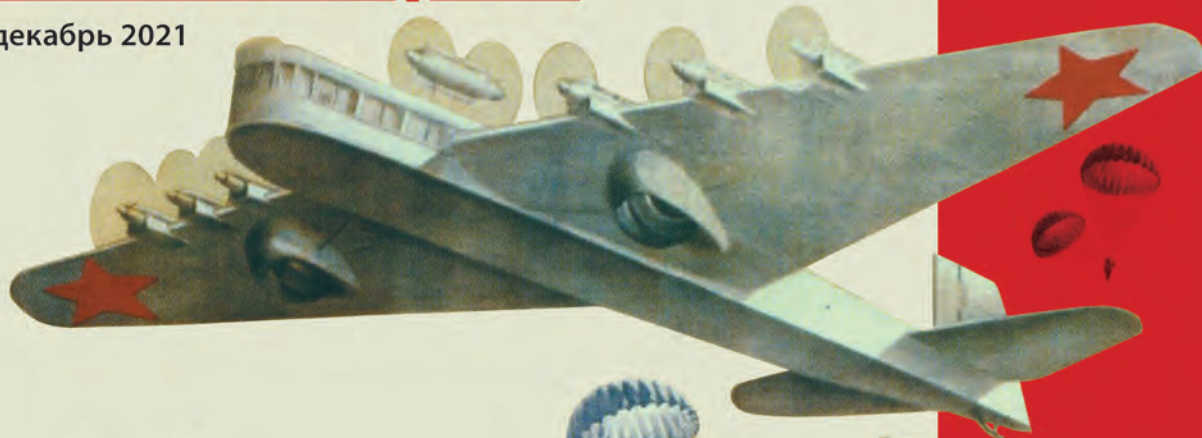

КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ

№4 (22) декабрь 2021

2

Один из первых
пензенских
археологов

24

Новинки
краеведческой
литературы

46

В поисках
утраченного
времени

**МОЛОДЕЖЬ!
НА САМОЛЕТЫ!**

СТР. 14

**История становления
пензенской авиации**

Коллаж
по мотивам
плаката
**«МОЛОДЕЖЬ, —
НА САМОЛЕТЫ»**
(Клуцис Г.), 1934.

СЛОВО РЕДАКТОРА

Время, которое мы переживаем, – подлое время. Время лицемерия, ставшего нравственной нормой; лжи, не боящейся разоблачения; упивающегося собой невежества; и правового нигилизма, вынуждающего мириться со всем этим.

Впрочем, нет, справедливости ради надо сказать, что не все только мирятся. Многие воспринимают это, как данность, как новую реальность, которой нужно соответствовать, если хочешь чувствовать себя в ней уютно, не говоря уж о том, чтобы преуспеть.

У меня никогда не вызывал восторга роман Дж. Оруэлла «1984», как и более ранний «О дивный новый мир» Олдоса Хаксли. Может быть, потому, что я, вообще, не люблю ни утопий, ни антиутопий. Но, глядя на происходящее, я не могу отделаться от мысли, что все это мне уже знакомо. И с суеверным ужасом вспоминаю, что обо всем этом уже читал в тех самых романах, которые, вероятно, в свое время недооценил. Да и как можно было допустить, что писательские фантазии начнут воплощаться в жизнь с такой быстротой?

Но – да! Вот он, дивный новый мир собственной персоной. Мы уже даже не на подступах, мы уже на пороге. Дверь гостеприимно распахнута, всякий желающий может туда заглянуть – ведь никто ничего и не скрывает. Вот она, новая реальность, которой нужно соответствовать, иначе тебе уготовано в ней место прола.

Время, которое мы переживаем, – подлое время. Но, по крайней мере, мы в состоянии это осознавать. Новый мировой порядок, в который нас усиленно пытаются встроить, не оставит и такой возможности. И все же, встраиваться или остаться человеком – каждый для себя решает сам. Выбор есть всегда, и право на него отнять не может никто. Я не верю в коллективное спасение. Нет, и не может быть коллективного иммунитета к лицемерию, лжи и страху.

«Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день за них идет на бой». Гете, «Фауст».

Анатолий КОЛОМЫЦЕВ

16+

КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители:

Александр Сергеевич Крылов,
Анатолий Евгеньевич Коломыцев

Главный редактор:

Анатолий Евгеньевич Коломыцев

Издание зарегистрировано Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Пензенской области.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ТУ 58-00302 от 15 ноября 2019 г.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов публикации. Все рекламируемые товары и услуги подлежат обязательной сертификации. Редакция не несет ответственности за содержание рекламных материалов. Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена. Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «КУЛЬТУРА ПРОВИНЦИИ». За качество материалов, предоставленных заказчиком, редакция ответственности не несет. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

www.culture-province.ru

Издатель:

А.Е. Коломыцев

Адрес редакции:

440000 г. Пенза,
ул. Куприна/Сборная, 1/2а, оф. 11.
тел.: 56-14-91

Адрес издателя:

440011 г. Пенза, ул. Карпинского, 19, кв. 38.
e-mail: kult-provins@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Трафарет»,
607220, Нижегородская обл.,
г. Арзамас, ул. Березина, д. 3.

Заказ №

Тираж – 1 000 экз.

Дата выхода в свет: 23.12.2021.

Цена свободная.

- 2 КРАЕВЕДЕНИЕ**
Елена ВИННИЧЕНКО
**ВЫДАЮЩИЙСЯ КРАЕВЕД
ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕНЗЫ**
- 15 ТОЧКА ЗРЕНИЯ**
Иван ЩИГОРЕВ
**«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО»
КАК СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ РУСОФОБИИ**
- 24 КНИЖНЫЕ НОВИНКИ**
АДРИАН УСТИНОВ И ЕГО УСАДЬБА
- 29 ФОТОАРХИВ**
Игорь ШИШКИН
НАЧАЛО ПЕНЗЕНСКОЙ АВИАЦИИ
- 36 ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ**
НЕГОЖЕ ПЕНЗЕ БЫТЬ БЕЗ ЦАРЯ
Олег АНТОНОВ
**Кто и почему не хочет ставить памятник
Царю Алексею Михайловичу**
- 38 КНИЖНЫЕ НОВИНКИ**
Игорь ШИШКИН
**АЛЬБОМ АЛЕКСАНДРА НАЗАРОВА
«МОИ ДРУЗЬЯ – АКТЁРЫ»**
- 46 ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**
Александр КРЫЛОВ
**ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УШЕДШЕМ
Приметы времени. Часть VIII**
- 58 ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА**
Светлана ФЕВРАЛЕВА
МУЗЕИ – ДУХОВНЫЙ ЩИТ РОССИИ

ВЫДАЮЩИЙСЯ КРАЕВЕД ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕНЗЫ

Елена ВИННИЧЕНКО

elenavitalyeva@yandex.ru

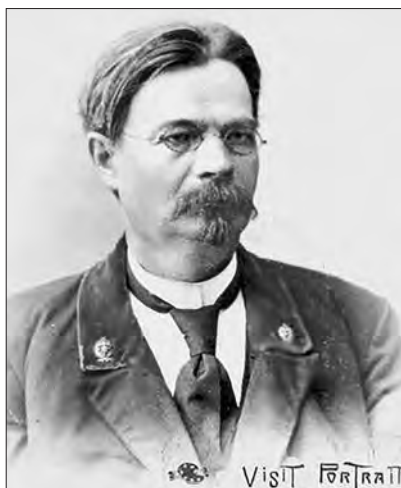
Научная конференция в Наровчат

В конце сентября 2021 г. в селе Наровчат Пензенской области состоялась Всесоюзная Научная конференция «История и археология Золотой Орды Примокшанья: актуальные вопросы изучения и сохранения городища Наровчат-Мохши».

Организаторами и участниками конференции были представители Академии наук республики Татарстан, Института регионального развития Пензенской области и Марийского госуниверситета.

По итогам конференции намечено сформировать туристический маршрут «Золотого кольца» Пензенской области, жемчужиной в оправе которого станет Наровчат – древний золотоордынский город Мохши.

На конференции были представлены новые местные краеведческие издания: О.В. Голубев «Чекан монет Мохши»; В.А. Винничек, В.П. Лебедев «Монеты Никольского селища». А также прошла презентация коллек-

*Надворный советник
Владимир Михайлович Терёхин
(1852–1916). Хранитель Музея
при Пензенском художественном
училище им. Н.Д. Селивёрстова*

тивной монографии Института регионального развития Пензенской области «Средневековый город Мохши», в которой подводятся итоги изучения этого памятника 12–14 веков учёными из Саратова, Пензы, Москвы и Йошкар-Олы за последние сто лет. Авторы-составители: Г.Н. Белорыбкин, Д.С. Иконников, О.В. Мельниченко, В.А. Винничек, В.П. Лебедев, С.В. Гумаюнов, О.В. Голубев.

Но была представлена и ещё одна книга: «Хранитель. В.М. Терё-

хин», Елена Витальева, Научно-издательский центр «Социосфера», Пенза 2020 г.

В книге автором (московским аудитором) собраны документы и свидетельства того, как проводились археологические раскопки в Пензенском крае в конце 19-начале 20 веков, и, в частности, в Наровчат, как создавались первые имперские музеи, где ценнейшие находки выставлялись для обозрения жителями дореволюционной Пензы.

В своём докладе «Владимир Михайлович Терёхин – первооткрыватель Наровчатского городища» – автор книги обращается к участникам конференции:

«Сегодня очень важно обратить внимание специалистов на необходимость при формировании туристического маршрута вспомнить имена первых археологов, которые официально начинали раскопки в Пензенском крае, в частности, на территории Наровчата.

В ходе революций 1917 года (начала Февральской, а потом Октябрьской) все имперские учреждения, которые занимались археологией, сохранением и учётом исторических памятников,

а также музеи были закрыты, а ценные музейные экспонаты с мест археологических раскопок в своём большинстве безвозвратно утрачены.

К большому сожалению, в первые годы Советской власти практически заново пришлось создавать музеи, и вслепую, без учёта прошлого опыта заниматься археологией, в том числе и в Наровчатке; были забыты и дела первых археологов. Но теперь, когда для нас стали доступны многие архивы, мы просто обязаны вспомнить их имена...

Идентификация Наровчатского городища с золотоордынским городом Мохши была впервые сделана Александром Августовичем Кротковым (1866–1945) – саратовским археологом и нумизматом в 1923 году в статье «В поисках Мохши». При этом А.А. Кротков использовал для научной аргументации данные археологии, нумизматики, исторической географии и т.д. В 1925–1927 годах исследователь провел ряд археологических раскопок на Наровчатском городище и в его окрестностях. По результатам этих работ он составил приблизительный план города Мохши и реконструировал историю города.

Однако раскопки Наровчатского городища, в числе других археологических объектов Пензенского края, велись ещё в конце XIX века Владимиром Михайловичем Терёхиным.

Подробные отчёты с экспедиций и исторические выводы нашли отражение в таких научных работах Общества археологии, истории, этнографии при Казанском университете и Пензенского губернского статистического комитета, как: Терёхин В.М. «К Истории землевладения в пензенском крае»; Терёхин В.М. «История г. Краснослободска», Терёхин В.М. «Исторические материалы в отношении инородцев Пензенского края 17 столетия», Терёхин В.М. «Находки костей вымерших животных по Пензенской губернии», Терёхин В.М. «Пензенский край в археологическом отношении», Терёхин В.М. «Несколько слов о находках каменной старины в пределах Пензенской губернии», Терёхин В.М. «Акты, относящиеся к истории мордвы Пензенской губернии», Терёхин В.М. «Описание древностей,

находящихся в Краснослободском уезде», Терёхин В.М. «Ефаевский могильник», Терёхин В.М. «Археологические раскопки и разыскания, проведённые в 1892 г. в уездах Краснослободском и Наровчатском, 1893 г.», Терёхин В.М. «Несколько слов о находках каменной старины в пределах Пензенской губернии», Терёхин В.М. «Краткий перечень замечательных местностей Краснослободского уезда», а также регулярно публиковались в газете «Пензенские губернские ведомости».

Музеи дореволюционной Пензы

До революции все находки, как выявленные экспедициями, так и частными лицами на своих огородах, согласно положению, опубликованному в ПГВ №99 от 13.05.1888г., отправлялись в Губернский статистический комитет. А уже эта научная организация принимала решение об их дальнейшей судьбе: какие (особо ценные) отправлять на оценку в Министерство Императорского двора, какие – в музей, какие – на выставку. Причём, за частные находки, либо владелец получал вознаграждение, либо, если предмет не представлял исторической ценности, возвращался обратно. Об особо интересных находках регулярно сообщалось в «Губернских Ведомостях».

Для того чтобы демонстрировать многочисленные находки народу, в 1891г. при Пензенском губернском статистическом комитете был открыт первый в губернии краеведческий музей (заведующий Попов Владимир Павлович).

Помимо Губернского статистического комитета с хранилищем исторических ценностей, в Пензенской губернии, согласно «Списку служащих всех министерств по г. Пензе за 1907год» (ГАПО.ф.9 оп.1 д. 705), существовали ещё такие научные учреждения с хранилищами как: Музей при губернской учёной архивной комиссии – Историко-археологический (зав. Попов Владимир Павлович); Музей при училище и фундаментальной библиотеке, открытый в 1898 году одновременно с Пензенским художественным училищем им. Н.Д. Селивёрстова.

Хранителем музея при ПХУ Приказом по Министерству Императорского Двора был определён

надворный советник Владимир Михайлович Терёхин.

Существовал в Пензе в эти годы уже и небольшой общественный музей для хранения и экспонирования «коллекций естественно-исторических предметов» – собрания насекомых, гербарии, чучел мелких животных и др., которые собирали учителя и учащиеся учебных заведений, согласно соответствующих инструкций. Музей этот в 1905 году организовало Пензенское Общество любителей естествознания (ПОЛЕ), созданное на основе небольшого кружка по инициативе Ф.Ф. Федоровича.

На момент открытия музея, ещё не имевшего своего постоянного помещения, общество состояло из трёх членов-сотрудников и 54 действительных членов. Как общедоступный, музей был открыт в 1911 г., а его председателем стал Иван Иванович Спрыгин.

Революция 1917 года отменила существование всех имперских (государственных) структур, в том числе, и музеев.

Новую экспозицию уже народная власть будет формировать в здании общества взаимного кредита на основе общественного музея, который не попадал под закрытие. С января 1919 года музей получит статус государственного, а с 1924 года расположится в двухэтажном здании бывшего общежития женского епархиального училища (ул. Красная, 73) и будет именоваться краеведческим. Для этого уже будут все основания: естественно-историческую экспозицию пополнят сохранившиеся экспонаты отделов археологии, палеонтологии и этнографии дореволюционного музея при ПХУ, а также экспонаты уже новой истории.

Музей при Пензенском художественном училище и фундаментальной библиотеке

В начале XX века, ещё до революционных событий, самым крупным и богатым музеем Пензенского края был Музей при Пензенском художественном училище и фундаментальной библиотеке, открытый одновременно с художественным училищем (училищем рисования) в 1898 году в красивейшем здании, построенном по проекту архитектора А.П. Максимова.

Художественное училище им. Н.Д. Селивёрстова. Пенза.
Фото из коллекции И.С. Шишкина

Первым директором Пензенского художественного училища Императорской Академией художеств был назначен академик живописи Константин Аполлонович Савицкий. Для преподавания в школу приглашаются живописцы П.И. Коровин, К. Грандовский, скульптор К.А. Клодт, прикладники К.П. Жуков и О.М. Кайзер. Общеобразовательные предметы ведут учителя пензенских гимназий.

Музей, как и училище, находился в ведомстве Министерства Императорского Двора. Музей состоял в ведении хранителя музея, избираемого и увольняемого Попечительным советом училища. Хранитель избирался сроком на 5 лет.

Из отчёта директора училища К.А. Савицкого за 1898 год:

«хранителем музея избран В.М. Терёхин, выходец из мещан, родился 26 мая 1852 года, окончил Пензенское уездное училище и по выдерживанию испытания Императорскою Академией наук был удостоен звания учителя рисования и чистописания в низших учебных заведениях. С 22 ноября 1871 года В.М. Терёхин был допущен к исправлению должности учителя чистописания и рисования в Краснослободском уездном училище, какое-то время служил в Саранске и Наровчатке, за период с 1877 по 1883г.г. снова жил в Краснослободске. Он состоял учителем рисования и чистописания, был библиотекарём, членом хозяйственного комитета, занимался археологическими раскопками, публиковался в «Ведомостях». В 1893 году Владимир Михайлович был определён в Пензенское реальное училище на должность помощника классных наставников, стал преподавать в женской гимназии. Оттуда его пригласили на службу в художественное училище».

Получив назначение на должность хранителя Музея и библиотеки, В.М. Терёхин не оставляет своей преподавательской деятельности, по-прежнему занимается археологией, продолжает архивные и этнологические изыскания, входит в состав всех вышеперечисленных научных учреждений.

Паспортная книжка В.М. Терёхина. Фото Е.В. Винниченко

Сотрудники ПХУ: директор училища К.А. Савицкий (сидит в кресле справа), хранитель Музея В.М. Терехин (стоит за креслом крайний справа), И.И. Спрыгин и др. Фото из коллекции И.С. Шишкина

Отчёт училища, 1916 г. (Ф. 120-1-291).

«Надворный Советник В.М. Терехин состоит членом Попечительного Совета училища вместе с Пензенским Губернским Предводителем Дворянства Двора его Императорского величества Камергером Виктором Дмитриевичем Бибиковым, Городским Головой Иваном Николаевичем Ашаниным, Директором Учительской Семинарии, Действительным Статским Советником Андреем Андреевичем Остроумовым, Директором училища Николаем Филипповичем Петровым».

Бессменным хранителем музея и библиотеки при ПХУ Владимир Михайлович будет на протяжении 18 лет, до самой своей смерти, которая случится за 4 месяца до Февральской революции. Таким образом, Имперский Музей закроет свои двери одновременно с уходом его хранителя (формулярный список о службе личного состава Пензенского художественного училища, ГАПО ф.120, оп.120 оп.1 д.101, ПХУ 1904 г.).

Из исторической справки (ГАПО.Ф.120-1):

«Основой создания Музея была коллекция картин, унаследованная от бывших пензенских губернаторов А.А. Татищева и Н.Д. Селивёрстова. При открытии музея в основании его было положено только два отдела: художественный и промышленный. К 1902 году были постепенно открыты ещё 6 отделов».

Таким образом, согласно каталогу за 1911 год (ГАПО Ф.120), Музей состоял из 8 отделов, в числе которых:

- археологический,
- палеонтологический,
- нумизматический,
- естественноисторический,
- промышленный,
- церковный,
- художественный (будущая Пензенская Художественная галерея).

По ежегодным отчётам Музея видно, как число экспонатов увеличивалось из года в год. В поисках этнической одежды, утвари, украшений, старинных церковных принадлежностей организовывались экспедиции,

пополнялись коллекции древних монет, орудий каменного века, костей доисторических животных. Часто приобретения выкупались музеем у их владельцев, если подтверждалась их необходимость и ценность, а стоимость не выходила за рамки ранее утверждённых смет. Финансовый учёт в музее вёлся строго, ведь отчётность регулярно уходила в Санкт-Петербург. Но Музей был настолько популярен среди населения, что частные коллекционеры свои уникальные экспонаты, ранее выставляемые только для платного их осмотра, охотно передавали музею в дар.

Владимир Михайлович и сам постоянно вносил пожертвования в фонд музея.

Так, в отчётах читаем:

«в 1902 году передал в дар 67 медных и деревянных восьмиконечных крестов, складней и образков... в 1908 году – 4 рукописи XVIII века... в 1910 году – старинный иконописный образ».

Первые же экспонаты в Музей были подарены Владимиром Ми-

хайловичем Терёхиным с мест археологических раскопок Ефаевского могильника (до 400 предметов) и Наровчатского городища. Раскопки эти проводились ранее под его руководством по Открытому листу Императорской архивной комиссии.

Из музейного отчёта:

«Им (В.М. Терёхиным) принесены в дар музею коллекции древностей в количестве 532 экз. и пожертвованы частным лицам более 800 предметов и им же приобретено до 240 древних вещей на средства училища».

Археологический отдел музея

Ещё до открытия Пензенского художественного училища им. Селивёрстова все предметы древности: археологические находки, рукописи, изделия старого быта, кустарного производства находились в распоряжении Губернского статистического комитета, который периодически выставлял эти экспонаты на всеобщее обозрение. Фонды музея при Губернском статкомитете чаще пополнялись археологическими находками члена комитета Владимира Михайловича Терёхина.

С открытием же археологического отдела в музее ПХУ, вполне естественно, что его хранитель с особым энтузиазмом взялся теперь за пополнение собственными находками коллекции этого музея.

Свои археологические изыскания В.М. Терёхин начинает в 1886 году, будучи учителем рисования и чистописания в Краснослободском уездном училище.

Получив направление в этот небольшой город по окончании Пензенского уездного училища в 1871 году, и постепенно привыкая к местному образу жизни и особенностям городского быта, Владимир Михайлович замечает, что у местного населения популярен необычный промысел. Иногда к ночи местные мужики с пустыми мешками отправляются по дороге, ведущей в село Ефаево, расположенное в 15 км. от Краснослободска и возвращаются спустя несколько дней с поклажей за плечами. Кузнецам после их возвращения явно прибавляется работы: окрестности наполняются весёлым стуком молоточков по наковальням, а местная детвора меняется друг с другом «красивыми безделушками».

Шаверская гора (Ефаевский курган) сегодня. Фото Е.В. Винниченко

То, что казалось поисковикам более привлекательным для покупателей, сбывалось на базаре.

Как-то летом, проезжая через Ефаево, Терёхин приобретает на базаре около пятидесяти предметов, представляющих собой древние орудия труда и ювелирные изделия из бронзы и серебра, украшенные полудрагоценными камнями. Своими покупками Владимир Михайлович поделился с «Обществом археологии, истории и этнографии» при Казанском университете, с нетерпением ожидая ответа его членов на сопроводительное письмо.

О древних захоронениях на «Шаверской горе» под названием «Ефаевский курган» местные жители знали давно. Здесь периодически, особенно после весенних половодий, осыпался крутой отрог холма, обнажая скелеты людей и животных, а с ними и предметы, некогда сопровождавшие древних местных жителей в их быту: конские сбруи, железные секиры, топоры, глиняную посуду, бронзовые шейные обручи, серьги, брошки, ожерелья, серебряные и золотые браслеты и монеты. Человеческие скелеты и сохранившиеся крестьяне находили и когда распаивали землю под пашню, и когда добывали глину, и когда в конце 19 века рыли котлован под кирпичный завод. Можно себе представить, сколько захоронений при этом было вскрыто, сколько древних артефактов, несущих на себе бесценную информацию о процветавшей здесь культуре XII–XIII веков, уничтожено.

Добиться официального приезда Императорской археологической комиссии Владимиру Михайловичу удалось лишь в 1892 году. В составе комиссии были – тогда ещё молодые – археолог А.А. Спицын и археолог, историк, профессор Казанского университета И.Н. Смирнов. Местные газеты тогда писали: «в течение 15 дней профессором Казанского Университета И.Н. Смирновым, членом Императорского статистического комитета г. Терёхиным произведены раскопки по Краснослободскому и Наровчатскому уездам».

Сам же В.М. Терёхин, описывая этот визит, вспоминал, что, когда он обратился к И.Н. Смирнову и А.А. Спицыну с предложением: «не дурно было бы на этом могильнике сделать пробную траншею, – несмотря на, по виду, на её разрушенность, может быть, при такой раскопке на нём найдётся и целое место» (стил. сохранена), археологи предложение отклонили. Сотрудники Императорской Архивной Комиссии посчитали, что могильник совсем истощён и поэтому интереса для науки уже не представляет.

Но иначе посчитал профессор Хельсинкского университета А.О. Гейкель, который с 1883 по 1910 годы самостоятельно проводил этнографические и археологические исследования финно-угорских народов на территории России. В 1899 году финский археолог, получив разрешение российских властей, произвёл раскопки Ефаевского могильника и обнаруженные там бронзовые и серебряные украшения нашли

Александр Андреевич Спицын (1858–1931), русский и советский археолог, сотрудник Императорской Археологической комиссии, член Русского археологического общества и хранитель Музея общества, с 1927 г. член-корреспондент Академии наук СССР.

достойное место в музее, но уже в Гельсингфорском (ФО НА ИИМК РАН, нег. II 26324).

После визита представителей официальных научных кругов Владимир Михайлович Терёхин долго ещё и безуспешно надеялся на помощь, но, хотя и был сильно разочарован, рук не опустил. Как и в предыдущие 6 лет, он не оставил своего занятия и всё с тем же энтузиазмом продолжал археологические изыскания.

В те времена контроль за «всеми делающимися в государстве открытиями предметов древности» возлагался на Императорскую археологическую комиссию (ИАК) в системе Министерства Императорского двора, созданную указом Александра II в 1859 году. В 1889 году выходит Указ Императора Александра III об установлении единого контроля за археологическими раскопками и за реставрацией монументальных памятников. С этой целью в ИАК был утверждён разрешительный документ – Открытый лист, а Александр Андреевич Спицын разработал «Правила, на основании которых ИАК разрешает производство раскопок на землях казённых, общественных и подведомственных различным учреждениям».

Для раскопок Ефаевского могильника В.М. Терёхину всё же будет со временем выдан Открытый

лист Императорской архивной комиссии. После этого Владимир Михайлович начинает активно заниматься раскопками под Краснослободском уже как полноправный археолог, отчитываясь на собраниях Пензенского губернского статистического комитета [1] и отправляя отчёты о своей деятельности в ИАК.

В археологических отчётах по раскопкам в Ефаево В.М. Терёхин указывал, что близ городищ найдены были следующие предметы: «каменные и медные топоры, железные секиры, пики, серповидные ножи и сабли, также золотые, серебряные и медные монеты арабские, римские, византийские, удельных князей и татарские, преимущественно 1300 годов».

Кроме Ефаевского могильника в Краснослободском уезде В.М. Терёхин проводит исследования Рыбкинского (Борковского) могильника, Большого мещанского леса и Золотого оврага, Зубаревского могильника, и ещё: «...при д. Новом Зубареve и в 7 верстах от города прис. Никольском (называемом «огнище»). В 40 верстах от города при д. Лосёвке, Старом Спидорове (древне-мордовское селение), при с. Акселе и т. д.»

Несколько курганов и городищ было осмотрено по Наровчатскому уезду, в числе которых «Казбек-гора» в имении К.В. Унковской:

«Обнаружено несколько погребений. Найдено значительное число бронзовых и серебряных украшений, а из орудий железные пики, ножи и секиры и несколько небольших глиняных горшков. Особенно замечательны следующие находки этого могильника:

а) несколько женских кос, навитых на тонкую деревянную палку и сверху перекрученных бронзовой проволокой.

б) несколько небольших бронзовых сосудов».

«На Юго-Западе от Наровчата сохранились признаки городища, длиною более 2 верст: один ров длиною более 1 версты, шириною от 3 до 6 саженей. Городище это гораздо обширнее, чем все взятые отдельно вышеозначенные в Краснослободском уезде.

Это городище упоминается даже в книге «К большому чертежу» и было, быть может, становищем того самого татарского князя Тогая, от Бездежа, который, по свидетельству летописи, отвоевал «Наручатскую страну у ордынского

царевича Абдула» (История Гос. Рос. Карамзина т.4 пр.396).

На том городище не один раз были найдены медные и серебряные монеты. Одни – татарские, другие – болгарские с изображением на лицевой стороне животных.

На том же городище при рытье колодцев и погребов на 1 ½ аршин глубины не раз местные жители находили целые стены, выложенные из твёрдых квадратных кирпичей. На вышеуказанном городище, где сейчас стоит г. Наровчат, нынешним летом рабочие, копая большую канаву под фундамент для вновь возводимого здания местного городского приходского училища, нашли скелет лошади и вооруженного всадника».

Следы Каменного века

Вот какую характеристику как археологу даёт Владимиру Михайловичу Терёхину современная Пензенская энциклопедия: «**Основным исследователем археологических памятников Пензенской губернии на рубеже 19–20 веков был В.М. Терёхин, постоянный автор записок в «Пензенских губернских ведомостях». Он первым сумел выделить каменный, бронзовый и железный века в истории края. Открыл и исследовал первые памятники мордвы.**

В 1925 году известный археолог А.А. Спицын [2] в своей работе «Древности Пензенской губернии» напишет:

«Гр. Уварову [3] в 1881 г. неизвестно было ни одной поделки из камня в Пензенской губ. Позднее было удостоверено, что каменный век здесь имеется...». При этом автор статьи ссылается на находки, перечисленные в работах Терёхина В.М. «Краткий перечень замечательных местностей Краснослободского уезда» (Сборн. Пенз. стат. комит. в III (1895 г., стр. 2–3) и «Несколько слов о находках каменной старины в пределах Пензенской губ.» (Пенз.Вед. 1891 г., № 228, 229, 231, 233, 235, 238).

Орудия каменного века были найдены, как указывал в этих работах В.М. Терёхин, близ с. Ожги Писарского уезда, в Краснослободском уезде, в слоб. Иово-Ямской, Новой Карье, Шаверках, выс. Ковыляйском, близ Ново-Ямской слободы, близ д. Большой Бриловки того-же Краснослободского уезда, около с. Новой Карьи, в овраге около Шаверской

горы, в р. Кулуй у д. Ковыляйского выселка, в Кичатовской лесной даче, около с. Мамолаева, по р. Мокше у с. Аксел, на Урейской лесной даче. Каменные орудия были находимы также в Саранском, Ломовском, Городищенском, Чембарском и Пензенском уезде, в урочище Калашный Затон близ р. Суры и др.

В 1895 г. В.М. Терёхин пишет:

«В течение 20-ти лет немало интересных находок в археологическом отношении найдено в Пензенской губ.:

а) каменного и бронзового периодов: оружия всевозможных родов грубой формы и отделки и шлифованного камня, также небольших медных клиньев (топоров) около 500 предметов и б) железной старины: разного рода оружия и украшений древнего человека до 1000 предметов, как нами, так и несколькими другими лицами было отослано в некоторые музеи и учёные общества. Кроме того, Пензенская губ. в некоторых местах изобилует залежами руд, железной, свинцовой и медной, а также громадными залежами чёрного дуба и торфа. Всё это требует исследования, изучения и эксплуатации». [4]

Чёрный (морёный) дуб

В одном из протоколов общих собраний Пензенского губернского статистического Комитета 1894 года (ф.9-1-603) видно, что местные исследователи того времени большой акцент делали на поисках «чёрного дуба». Организацией же этих поисков занимался тоже Владимир Михайлович Терёхин.

Такой всплеск интереса к чёрному дубу начался с сельскохозяйственной выставки, работавшей в Пензе в 1890 году, на которой были представлены шкатулки из этого редкого дерева с самой красивой, элегантно и строгой текстурой.

Неповторимой красотой узора и сверхпрочностью чёрный дуб обязан своему происхождению. Сотни лет (по данным углеродного анализа – не менее 800) прибрежные дубовые рощи оказывались под водой из-за изменения реками русл. Поэтому, после того, как древесина дерева уже наполнилась живой энергией роста, она ещё долго-долго минерализовывалась солями в реке,

без доступа кислорода, под влиянием дубильного вещества меняла свой химический состав. А узорами покрывали ствол вода и песок.

Неизвестный автор пишет в ПГВ 28 мая 1892 года:

«...и на дне реки Иссы находятся в большом количестве «дубовые кряжи»... Делая в прошлом ещё году прогулку по берегу, – писал автор, – я случайно узнал, что местный крестьянин-кустарь вытаскивал из воды чёрный дуб и расколол (посредством клиньев) прекраснейшее дерево на мелкие части. «Для какой цели, – спрашиваю крестьянина, – портишь дуб?» – «Да вот бабам на лоханки...».

Тревогу по поводу залежей чёрного дуба высказывал и штабс-капитан Михаил Константинович Темиряев, земский начальник 2-го участка Саранского уезда, гласный уездного местного собрания, действительный член губернского статистического комитета: «...местные крестьяне, – писал он в Пензу, – вытаскивают из воды большие деревья означенного дуба... употребляют на свои домашние потребности, как-то на остова кадок, бочонков, бочек, на колоды для питья домашних животных, на топку печей, а пастухи употребляют его даже на горение кострищ, что и продолжается, к крайнему сожалению, на весь период пастбы».

А ведь это ценнейшее дерево в руках умелых мастеров превращалось в прекрасную дворцовую мебель и эксклюзивный паркет. Из-за сложности обработки морёного дуба (при высыхании он растрескивался), такие мастера сначала именовались «чёрнодеревщики». И лишь после того, как этот редкий материал стали заменять красным деревом, завозимым из Южной Америки и Африки, специалистов по дорогой мебели переименовали в «краснодеревщиков».

Изделия из этой самой редкой в мире древесины в России традиционно преподносили в подарок в особо торжественных случаях и передавали их потом из поколения в поколение. Известно, что великолепную тёмно-фиолетовую шкатулку с серебристыми прожилками дарил Пётр Первый своей

жене Екатерине. Из морёного дуба и позолоченного серебра был сделан императорский трон, который и сегодня можно увидеть в малом тронном зале Зимнего дворца.

В Европе же в особом почёте была мебель из чёрного дуба. Например, Мария Стюарт сделала поистине царский подарок своему сыну Якову на коронацию – трон из морёного дуба, «...дабы его целебные свойства способствовали праведному правлению...». А рыцари Короля Артура собирались за сделанным из чёрного дуба круглым столом.

Понимая, насколько выиграет Пензенская губерния, да и сами крестьяне, разумно относясь к такому природному богатству, как чёрный дуб, Владимир Михайлович Терёхин с энтузиазмом, присущим этому человеку, занимался убеждением населения, организацией поиска местонахождений и добычей этого редчайшего дерева.

Сохранились свидетельства, что в отдельных регионах возникли небольшие фабрики по обработке морёного дуба и отправки его в столицы и в Англию для изготовления мебели. Иностранные компании даже предлагали взять на себя обязательства по прочистке русел р. Мокши и Суры с тем, чтобы им было предоставлено право собственности на чёрный дуб, который будет найден при этих работах.

До сих пор морёный дуб считается самым ценным и труднодоступным древесным материалом. Запасы его ограничены и невозполнимы. А его добыча в реках и на торфяниках, а также переработка и особые условия сушки, требуют создания предприятий, оснащённых специальной техникой. Весь технологический процесс связан с большими финансовыми вложениями. Поэтому сейчас такие единичные предприятия работают, в основном, на спецзаказы.

Палеонтологический отдел музея

Палеонтологическими раскопками в Губернском статистическом комитете, ещё до образования музея при ПХУ руководил В.М. Терёхин.

«Пензенский край очень замечателен в палеонтологическом от-

ношении, судя по многочисленным в некоторых его местностях найденным на полях, в реках, озёрах и в оврагах костям вымерших животных» – так писал Владимир Михайлович Терёхин в работе «Пензенский край в палеонтологическом отношении».

Нередко во время половодья крутые склоны рек и холмов внезапно осыпались, обнажая кости давно вымерших животных: мамонтов, доисторических носорогов и др. Происходило это и при земляных работах, и местное население давно нашло применение этим находкам. Народные умельцы вырезали из костей мамонта различные поделки для детворы, гребни и женские украшения.

Пензенский статистический комитет принял решение заинтересовать местное население в том, чтобы об этих редких находках впредь сообщали органам власти на местах, а те, в свою очередь, передавали бы их в Музей статкомитета. С этой целью предусматривалось денежное вознаграждение нашедшим кости древних животных. Величина его зависела от их научной ценности. *«Может быть, это возбудит в просвещённых жителях нашей губернии охоту не проходить мимо, не разбивать молотом, не сжигать в печи, не бросать в сторону предмет, достойный любопытства и розыскания».*

Вот, например, один из сохранившихся рабочих документов:

«В Пензенский Губернский статкомитет

Городского уездного исправника

Рапорт

14 августа крестьяне села Мертвовицны Лопуховской 1 стана волости, Дмитрий Никифоров Волчков и Евфим Степанов Латышов, во время ловли в р. Вядь бреднем рыбы, нашли на берегу над уровнем воды рог или клык какого-либо допотопного животного в 2 арш. и 4 вершка. Означенные крестьяне разрубили его на три части и передали в контору г. Морецкин при селе Мертвовице, где он и находится в настоящее время.

О чём имею честь донести Губернскому статистическому комитету

Уездный исправник 23.08.1897 г.»

В палеонтологическом зале Пензенского краеведческого музея.

В ответном письме к уездному исправнику Губернский статистический комитет просит доставить экспонат в пензенский музей.

Далее В.М. Терёхин пишет о судьбе ряда интересных палеонтологических находок в некоторых уездах Пензенской и Саратовской губерний:

– по Краснослободскому уезду (Плуженском овраге, д. Зайцевой, с. Изосимовки, с. Чукал, с. Пурдошек, с. Ефаево, с. Мамолева, с. Кабанова);

– по Наровчатскому уезду (близ с. Покровского, в Шиловском овраге) [5];

– неоднократно находили кости вымерших животных в самой Пензе. Например, в добавлении к статье «Пензенский край в палеонтологическом отношении» (ПГВ № 279 за 1893г.) В.М. Терёхин пишет о том, что летом 1893 года рабочие, добывая глину в крутом овраге в одной версте от г. Пензы, нашли большой череп вымершего носорога (до 1 ½ аршин длины и от 1 ½ до 3-х четвертей ширины). Владимир Михайлович, по инициативе вице-губернатора К.П. Перцова, произвёл раскоп на месте нахождения найденного черепа и нашёл почти и все остальные части остова, кроме ног (рёбра этого остова от 1 до 1 ½ аршин длины и от 1 до 2 вершков ширины). Скелет древнего носорога в тот же год был подарен К.П. Перцовым пензенскому реальному училищу.

А осенью того же года в 10 верстах от г. Пензы, недалеко от сельца Засечного Валяевской волости, некий рыбак Белов неводом выловил из реки Евы большую кость вымершего животного. Кость была идентифицирована как передняя лопатка

до 6-ти четвертей в длину и от 2-х до 4-х четвертей в ширину. В начале декабря кость эта была доставлена в Музей статистического комитета;

– по Петровскому уезду, по реке Няньге: «К Юго-Востоку в Саратовской губернии Петровского уезда, по реке Няньге, были находимы кости палеотеров, которые покоятся и там и сям – в частных домах, в училищах, при волостных правлениях и др. и ожидают своего Кювье, который повёл бы с ними речь о временах доисторических»;

– по Мокшанскому уезду: «Препровождаемые две допотопные кости, из которых одна весом в шестнадцать, а другая в четырнадцать фунтов, найдены в прошлых годах крестьянами села Родников, в вершине речки Кутли, после половодья. Речка эта берёт начало в дачах села Родников, протекает прямо с 3<запада> на 3<восток>, на протяжении от 15 до 17-ти вёрст чрез сёла Родники, Левино и Старую Кутлю и близ последнего впадает в реку Суру. На местности, по которой протекает Кутля, был, как утверждают старожилы, вековой дубовый лес, и речка эта, как мне самому известно, не имела прежде в вершине русла, ныне же на означенной местности дубового леса нет, и речка в вершине своей стала рыть русло. В этом месте и найдены были кости и брошены крестьянами на берегу, близ кузницы, где рабочие от нечего делать разбивали их своими молотками. Чтобы сберечь от совершенного уничтожения, я (священник Г.Н. Сагакский) взял кости к себе и две из них представляю для образца в пензенскую лечебницу на рассмотрение г. Диатроптова» [6].

«Из всего вышесказанного нами видно, – комментирует это письмо Действительный член Пензенского губернского статистического комитета

В.М. Терёхин в ПГВН№278 за 1893г., – что некоторые местности, как Пензенской губернии, так и Саратовской, изобилующие обильными находками различных обломков костей вымерших животных, могут дать при правильном научном компетентном исследовании и целые остовы вымерших животных. Возможность находки целых остовов вымерших животных доказывается случайными находками, как это видно из указанного нами в начале этой статьи».

И в той же статье В.М. Терёхин продолжает свою мысль: *«Весьма прискорбно, что все интересные находки костей мамонта и других вымерших животных по Краснослободскому уезду, так и по Наровчатскому, пропадают бесследно. По мнению некоторых учёных геологов, где находят клыки и зубы мамонта, тут же должен быть близко и череп, а подчас и весь скелет. Последствием геологических переворотов, конечно, мог быть и нанос отдельных костей вымерших животных».*

И хотя целого мамонта в Пензенском крае, как мечтал В.М. Терёхин, так и не нашли, сейчас в Краеведческом музее Пензы центральное место в зале с палеонтологической коллекцией занимает сборный скелет мамонта. Этот уникальный экспонат был собран в 1929 году из отдельных костей разных особей этого доисторического животного, найденных в Пензенском крае. Работой руководил в 20-х годах заведующий геологическим отделом музея, исследователь полезных ископаемых края Антон Антонович Штукенберг.

Тогда же, с 1910 года, А.А. Штукенберг, как и В.М. Терёхин, входил в число действительных членов Пензенского общества любителей естествознания (ПОЛЕ). Руководителем общества был И.И. Спрыгин. Теперь палеонтологическая коллекция Пензенского краеведческого музея носит имя последнего. Фамилия Терёхина при этом даже не упоминается.

Художественный отдел музея

Художественный отдел с началом деятельности Музея возглавлял директор ПХУ К.А. Савицкий, хотя В.М.

Терёхин тоже принимал в его деятельности активное участие.

Художественный отдел музея (иначе – картинная галерея Н.Д. Селиверстова) первоначально размещался в здании ремесленной школы Ф.Е. Швецова на пересечении Дворянской и Никольской (ул. Красной и Карла Маркса) и периодически выставлял свои экспонаты в разных общественных и учебных помещениях города.

Коллекция из года в год пополнялась новыми пожертвованиями частных лиц, подарками художников, на обозрение выставлялись картины художников-передвижников и полотна из музеев других городов. Императорская Академия художеств присылала в пользование, с сохранным правом за Академией, картины русских художников – Порфирова, Крылова, Петрова, Рылова, Писемского, Руцица, А. Бенуа и других.

В начале XX века в России был «высочайше учреждён Комитет попечительства о русской иконописи». Комитет служил посредником между церквями и художественно-иконописными мастерскими. В его функции входило искать для церкви подрядчиков на работы по стеновым храмовым росписям и по снабжению церкви иконами. В 1907 году Комитет обратился к руководству ПХУ с официальным предложением:

«1) не изъявите ли Вы своего желания принимать через посредничество Комитета соответствующие Церковно-живописные и иконные работы.

2) не можете ли сообщить каких-либо со своей стороны условий принятия заказов...»

Управляющий делами Комитета академик Н.П. Кандаков» [7].

На что от дирекции ПХУ последовал незамедлительный ответ:

«Устанавливайте свои условия на заказы по мере их поступления. Будут наши художники писать даже за самую умеренную плату».

В одном из номеров Пензенских губернских ведомостей за 1912 год В.М. Терёхин пишет: *«Самым интересным и целым в музее является отдел художественный, который занимает несколько комнат и представляет редкую сокровищницу среди провинциальных музеев. В нём имеются картины разных художни-*

ков, пожертвованные ген. Н.Д. Селиверстовым, ген. А.А. Боголюбовым, Академией Художеств и приобретенные непосредственно музеем... В художественном отделе музея 456 картин. Есть среди них 8 копий акварелей неизвестных художников итальянской школы с произведений Рафаэля; голландская пейзажная живопись, пейзажи европейских мастеров, картины польской школы, княжна Тараканова К.Д. Флавицкого, картина бывшего директора Пензенского художественного училища К.А. Савицкого «Этюд», Миниатюры кистей разных художников, портрет Шишкина, написанный Мясоедовым Г.Г. и др.»

К 1917 году число художественных произведений составляло почти 1000 единиц.

Весной 1901 года Музей при художественном училище отправил письмо Великому князю Георгию Михайловичу с просьбой подарить фотографии с оригиналов лучших русских художников, изданных Музеем Императора Александра III. Просьба мотивировалась следующим образом: *«Пензенский Музей имеет для приобретений всего до 200 рублей/год, а потому при обширной программе музея, его коллекции не могут получить значительного пополнения путём приобретений».*

На что 24 мая 1901 года был получен следующий ответ из Канцелярии Русского Музея Императора Александра III: *«Августейший Управляющий Русским Музеем изволил приказать выслать в ПХУ все имеющиеся в Русском Музее фотографии с художественных произведений Музея, которые по мере изготовления будут доставлены в Училище частями».*

А буквально следом прибыли и сами фотографии с сопроводительным письмом: *«Канцелярия Русского Музея Императора Александра III препровождает 540 фотографий с произведений, находящихся в Собрании Русского Музея – в 3-х ящиках».*

Похоже, что вопросы культуры и искусства в начале прошлого века на территории Российской империи решались вполне оперативно.

Нумизматический отдел музея

Столь благожелательное отношение к Музею Пензенского художественного училища можно ещё

Великий князь Георгий Михайлович.
1903 г.

объяснить кругом его интересов, которые так перекликались с интересами хранителей истории, культуры и природных богатств Сурского края. Внук Николая I – Великий князь Георгий Михайлович, кроме того, что безвозмездно в течение 22 лет служил в вышеозначенной должности и принимал личное участие в создании музейной коллекции живописи и скульптуры, покровительствовал Русскому обществу пчеловодства и председательствовал в Русском генеалогическом обществе.

Но особо князь был известен как выдающийся нумизмат, автор нескольких трудов по монетному делу Российской империи. Коллекция его монет формально тоже принадлежала Русскому музею. Однако экспонатов было так много (она включала практически все монетные типы, чеканившиеся в Российской империи), что для их хранения и экспозиции требовалось особое помещение. Такое помещение нашлось лишь во дворце Великого Князя. Юридически при жизни Георгий Михайлович считался распорядителем собрания монет, а уже после его смерти коллекция в неизменном виде должна была безвозмездно перейти в собственность Русского Музея. По состоянию на 1914

год стоимость нумизматической коллекции Русского Музея оценивалась в 340000 руб.

Однако события 1917 года внесли существенные перемены в судьбу князя и его нумизматической коллекции. В 1919 году Великий Князь Георгий Михайлович был расстрелян, а большая часть собрания монет попала в Югославию. Туда в те годы эмигрировала директор Имперской Археологической комиссии П.С. Уварова, поэтому не исключено, что коллекция оказалась в этой стране неслучайно. Хотя, незадолго до революции, в 1916 году, Уварова сама убеждала в письме министра внутренних дел А.Н. Хвостова в необходимости издать закон о запрете вывоза древностей из России. Как бы там ни было, в настоящее время собрание русских монет Великого Князя распродано с аукционов в частные коллекции Великобритании и США.

В то же время, когда в 1901 году К.А. Савицкий и В.М. Терёхин обратились к князю с просьбой о приобретении фоторепродукций картин Русского Музея, Музей Пензы активно пополнял свою нумизматическую коллекцию.

«В Пензенский имени Селиверстов-ва Музей.

Императорская Археологическая комиссия, препровождая при сем для коллекций музея два серебряных монетных слитка из клада, найденного в 1902 году близ с. Кадыковка Наровчатского Уезда, имеет честь покорнейше просить о получении их и не оставить Комиссию уведомлением.

Подпись: Товарищ Председателя Комиссии В. Латышев.

Приписка. 1904 г. 24 мая два серебряных монетных слитка получены Хранителем Пензенского Селиверстовского музея В. Терёхиным.

Счёт

«На ожерелье из больших монет и сердолика получил сполна 20 руб. Якуб Мухомеджанов Кулохметьев 14.01.1905 г.»

Когда-то в хлебном Сурском крае бойко шла торговля с купцами разных стран, легко передвигавшимися со своими товарами по просторным рекам – волжским притокам. Сотни лет назад в древнем Нуриджане (Мохши, Наручади, Наровчате) че-

Памятный знак монете 1309 года, отчеканенной в г. Мохши (с. Наровчат).
Фото Е.В. Винниченко

канились монеты – здесь находился Монетный двор Золотой Орды. Много, много монет рассыпано с тех пор в чернозёмной земле Наровчатской и Краснослободской. Крестьяне постоянно выкапывали их на своих огородах и присылали в Музей, пополняя уже довольно богатую коллекцию, собранную В.М. Терёхиным из раскопок древних курганов.

Одна из таких найденных в наше время в Наровчате монет – серебряная дирхема времён Золотой Орды, отчеканенная в 1309 году в г. Мохши отодвинула общепризнанную историю Наровчата больше чем на полвека. Теперь в честь неё на территории села установлен памятный знак.

Церковный отдел Музея при ПХУ

Предметы церковной утвари, главным образом иконы, расшитые вручную золотом ризы, преподносились в дар Музею священнослужителями приходов Пензенского края.

Также Церковный отдел Музея при ПХУ регулярно пополнялся иконами, привезёнными В.М. Терёхиным из длительных поездок по деревням губернии. Старыми иконами и старопечатными книгами особенно дорожили крестьяне

многочисленных старообрядческих общин края – раскольники, когда-то бежавшие на границу со степью. Для того чтобы получить такого рода сокровище, хранителю Музея, порой, требовался особый подход к людям, по-прежнему жившим обособленно от православных и относившимся к чужакам с недоверием.

Из отчёта Музея при ПХУ за 1910 год:

«В истекшем году музей пополнился приобретением древних иконописных икон XVII–XVIII веков и предметов церковной утвари».

Из статьи газеты «Пензенские губернские ведомости», № 75 за 1912 г.:

«Церковный отдел музея ХУ представлен весьма обширно и богато. Большой образ Страшного суда, написанный в 18 веке неизвестным художником... Вообще, в этом отделе собрано всё, что употребляется в церковной службе и в очень хорошей сохранности».

Как исследователь, Владимир Михайлович Терёхин интересовался древними актами, хранившимися в уездных центрах, монастырях и храмах, в том числе в Краснослободском уезде. Официально им был опубликован полный текст благословенной грамоты патриарха Никона на строительство Краснослободского Спасо-Преображенского монастыря (Спасовой пустыни).

Фундаментальная библиотека при ПХУ

По завещанию Николая Дмитриевича Селивёрстова, помимо денежных средств на открытие рисовальной школы, богатой коллекции картин и антиквариата, городу была передана частная библиотека бывшего губернатора Пензы.

В фундаментальную библиотеку при ПХУ, которой руководил В.М. Терёхин, поступали редкие книги и старинные рукописи. В 1900–1901 годах библиотека, например, пополнилась 75 книгами «преимуще-

ственно по отраслям живописи, прикладного искусства» и насчитывала 680 названий русских и иностранных изданий.

Кроме фундаментальной библиотеки, в ПХУ была открыта для студентов во все учебные дни и учебная библиотека: «В учебное время – ежедневно, кроме воскресений и праздников с 10 до 12 час дня и по субботам от 7 до 9 час вечера». Книги выдавались лишь для просмотра и выписок в помещении самой библиотеки.

В 1916 году, к концу старой эпохи и жизни Владимира Михайловича, ученическая библиотека при ПХУ насчитывала 2 150 томов, а фундаментальная – 2 466 томов (из отчёта ПХУ за 1916 г).

Годы Первой мировой войны тяжело сказались на экономике страны, настроении народа, начались эпидемии, голод, не хватало топлива. В домах Пензы то и дело слышался женский плач после получения похоронок.

Выпуск Второй женской гимназии 1908 года. Преподаватель В.М. Терёхин в третьем ряду 5-й справа. Фото из коллекции И.С. Шишкина

В отчёте училища последнего года жизни Владимира Михайловича читаем (стилизация сохранена):

«Музей 1916. В истекшем году никаких пожертвований в музей не поступало, а также и не производилось покупок, т.к. необходимо было сокращение расходов на покрытие перерасходов по хозяйственным делам, вызванным сильным вздорожанием всех продуктов».

Музей для публики был открыт лишь по воскресеньям, что объясняется призывом части служащих для целей мобилизации» (Ф. 120-1-291).

До конца своей жизни Владимир Михайлович Терёхин, помимо научно-изыскательской работы, деятельности хранителя Императорского музея при ПХУ, на забывал и своего главного призвания – педагогики, продолжая преподавать во Второй Женской гимназии и Реальном училище Пензы.

Из Отчётов Музея ПХУ и Второй Женской гимназии за 1916–1917 г.

«Музей. Хранитель музея В.М. Терёхин скончался 11 октября 1916 года (8.10.1916)»

«Вакансия открыта ввиду смерти штатного преподавателя рисования Владимира Терёхина 8 октября 1916...».

В метрической записи Преображенской церкви причиной смерти значится катар желудка – болезнь плохого питания, антисанитарии, ослабления иммунитета... военное положение: народ погибал не только на фронте, но и в тылу.

Похоронен надворный советник Владимир Михайлович Терёхин на Митрофаньевском (Митрофановском) кладбище города Пензы. Сейчас могила утрачена.

Награды

А во время жизни Владимира Михайловича, конечно, его активная и успешная деятельность в качестве учителя, археолога, на посту хранителя популярного Музея не могла остаться без внимания Императорского двора. Несмотря на известность и высокое звание к своим 50-ти годам, выросший в небогатой семье В.М. Терёхин отличался скромностью и аскетизмом. Нередко приходилось ему органи-

Погон и петлица Надворного Советника, юбилейный знак Императорского Человеколюбивого Общества, орден Святого Станислава 3 степени, орден Святой Анны 3 степени, орден Святого Владимира.

зовывать дальние поездки в поисках новых интересных экспонатов за свой счёт. А порой учёный готов был отдать последнее за то, чтобы приобрести какое-то редкое старое украшение, рукописную грамоту или резной сундук: пензяки должны были видеть эти вещи, чтобы знать, как жили их предки, что они любили и умели.

Указом Правительствующего Сената по Департаменту Герольдии от 26 июля 1894 г. № 110 произведён за выслугу лет, в Надворные Советники со старшинством с 13 октября 1888 г. – 26 июля 1894 г.

В 1902 году Надворный Советник Владимир Иванович Терёхин за свою благотворительность получает свою первую награду – юбилейный знак Императорского Человеколюбивого Общества.

Императорское Человеколюбивое общество было благотворительной организацией, история которой к 1902 году насчитывала уже сотню лет и финансировалась из Казны Дома Романовых. Оно было основано «для вспоможения всякого рода нуждающимся без различия пола, возраста и вероисповедания, при всех проявлениях их нужд от

младенческого возраста до глубокой старости».

Общество организовывало бесплатное лечение нуждающимся больным на дому, врачебную помощь дантистов, окулистов, открывало лечебницы для людей, страдающих заразными заболеваниями, проводило вакцинации населения. Человеколюбивое общество предоставляло помощь утратившим работоспособность, инвалидам, неизлечимо больным, старикам, детям-сиротам или тем детям, у кого бедные родители. Для этого создавались столовые для бедных, дома призрения малолетних из, как бы мы сейчас сказали, малообеспеченных семей. Мальчиков там обучали грамоте, портняжному, типографскому и переплётному делу, а девочек – грамоте и белошвейному мастерству. Для трудоспособных бедняков находили работу, инструменты, помогали продать свой товар. К началу двадцатого века организация ежегодно расходовала на благотворительность 1,5 млн. руб.

В 1903 году в левой петлице у чиновника появляется маленький серебряный золотой крест, покрытый красной финифтью.

Первая крупная награда Владимира Михайловича, Орден Святого Станислава 3-й степени был самым младшим среди русских орденов. Им награждали низших чиновников, начиная с губернского секретаря и домашних учителей, прослуживших не менее 15 лет.

1907 год. Канун празднования 10-летнего юбилея Пензенского художественного училища им. Н.Д. Селивёрстова – год подведения итогов деятельности музея, осмысления ошибок, составления планов.

Музей работает круглый год, за исключением одного летнего месяца, принимая до 4, 5 тысяч посетителей, желающих приобщиться к истории края.

В музее 300 картин, гравюр и 2350 предметов археологии, палеонтологии, этнографии и др.

Заслуги Надворного Советника В.М. Терёхина по достоинству оценены жителями Пензы, Губернатором и Императорским двором. Усердное служение Владимира Михайловича было вознаграждено: на левой груди появился крест ордена Святой Анны и прибавка к жалованию в размере 90 рублей в год.

В 35-летний юбилей педагогической и археологической деятельности В.М. Терёхина Правительство Российской империи отметило его заслуги новой наградой – орденом Святого Владимира.

Дата эта праздновалась в Пензе широко и торжественно. Владимира Михайловича горячо приветствовали его многочисленные ученики, педагоги, учёные и сослуживцы. Местная печать освещала это событие своими публикациями. Вот, например, одна из статей, появившаяся в Пензенских губернских ведомостях (стилистика сохранена):

«В.М.Терёхин. По поводу предстоящего 22 ноября 35-ти летнего юбилея его педагогической и археологической деятельности».

Всем известно, что мы своё Отечество знаем несравненно меньше, чем его знают иностранцы. Это происходит оттого, что в силу исторически сложившихся причин у нас мало обращалось внимания на изучение своей страны. Поэтому всякий наш соотечественник, хоть что-нибудь сделавший для изучения нашей обширной страны, заслуживает благодарности своих современников и потомства. К числу

таких немногих лиц принадлежит Владимир Михайлович Терёхин, который немало приложил труда на историко-археологические исследования Пензенской губернии.

В его действительности надо отметить две стороны: педагогическую и археологическую.

Как учитель рисования, он воздействовал на своих питомцев путём гуманного и благотворительного обращения, за что всегда и везде пользовался искренней неподдельной любовью учащихся. Сначала он был учителем в краснослободском уездном училище, затем – в саранской женской прогимназии, наровчатском уездном училище, краснослободской женской прогимназии, пензенской учительской семинарии и, наконец, в пензенской 2-й женской гимназии, где служит в настоящее время.

Работы Вл.М. по исследованию Пензенской губернии в историко-археологическом отношении так важны, за них он удостоен звания действительного члена Пензенского губернского статистического комитета; в 1892 году состоял членом-сотрудником организационного комитета международных конгрессов в Москве зоологической и исторической археологии; в 1897 году был избран хранителем музея при пензенском селивёрстовском рисовальном училище, в каком звании состоит и теперь; в 1900 году за церковно-археологическую деятельность получил благодарность от управляющего музеем Императора Александра III и большую серебряную медаль в память открытия этого музея.

В.М. произведено несколько археологических раскопок и собрано громадное количество интереснейших древних предметов. Коллекции их пожертвованы им в музей при пензенском статистическом комитете и селивёрстовском училище, каждая коллекция от 200 до 400 предметов. В селивёрстовском училище он положил основание отделов музея – археологического и церковного.

Свои исследования края и предметы, найденные при раскопках, описаны В.М. в статьях, помещавшихся преимущественно в «Пензенских Ведомостях» за 1889–1900гг. Эти статьи представляют настолько ценный научный интерес, что на них обращено внимание и за границей; так, одна из них – «Описание

Ефаевского могильника» переведена на английский язык (см. брошюру: «Hullmuseumpublications», 13, March, 1903, Efaefsktumulus», стр. 3–10).

В.М. занимался и продолжает заниматься также разбором и снятием копий с древнерусских рукописных грамот.

Будем надеяться, что труды Владимира Михайловича не будут забыты.

Бывший ученик»

Забыты... забыты труды, забыта жизнь, забыто имя...

Первая Мировая война, а за ней гибель старого строя, война Гражданская и политика военного коммунизма отодвинули на задний план восторги людей от прекрасного; жажда научных познаний уступила место жажде и голоду для одних и жажде лёгкой наживы – для других. Дореволюционное прошлое стиралось в людской памяти, всё «буржуазное» богатство, где бы одно ни хранилось, подлежало национализации.

Уходила эпоха, забирая лучших её представителей. На арену жизни выходили новые открытия и достижения, имена и герои... хранители прошлого оказались не нужны...

Ссылки:

1. Статистический комитет Российской Империи действовал при Министерстве внутренних дел. Губернский статистический комитет, существовавший в Пензе с 1835 года, был научным учреждением, которое помимо статистических обзоров проводило подробное описание губернии в «историческом отношении», т. е. учёт памятников, в том числе и археологии.
2. Александр Андреевич Спицын (1858–1931) – русский и советский археолог, сотрудник Императорской Археологической комиссии, член Русского археологического общества и хранитель Музея общества, с 1927 г. член-корреспондент Академии наук СССР.
3. Граф Алексей Сергеевич Уваров (1824–1884) – русский археолог, член – корреспондент и почётный член Петербургской Академии наук. Один из основателей Исторического музея в Москве и Московского археологического общества, которое граф Уваров возглавлял до своей кончины, инициатор археологических съездов.
4. 17Терёхин В. Краткий перечень замечательных местностей Краснослободского у. Сборн. Пспз. Стат. Комит. в III (1895 г.)
5. Ст. палеонтологические заметки: о роге допотопного животного, найденном в Наровчатском уезде, в р. Кельде. В.М. Терёхин, ПГВ 1867г. №49.
6. ПГВ № 9 от 1865 года «Останки костей первобытных животных».
7. Кондаков Никодим Павлович (1844–1925) – русский историк византийского и древнерусского искусства, археолог, создатель иконографического метода изучения памятников искусства. Академик Петербургской АН и Императорской академии художеств. Член-учредитель Русского собрания. Тайный советник. Родом из Курской губернии, сын дворянских людей князей Трубецких. Скончался в эмиграции, в Праге.

«ЛЕНИНГРАДСКОЕ ДЕЛО» КАК СИМВОЛ СОВЕТСКОЙ РУСОФОБИИ

**«Что бы этому
ни препятствовало,
мы должны как бы
охватить единым
взглядом
совокупность
всех вещей».**

М.В. Ломоносов

Окончание. Начало №3 (21) 2021

Иван ЩИГОРЕВ

член Русской партии,
православный писатель
hit10011@yandex.ru

Ветер перемен

В этой борьбе товарищ Сталин пытался опираться на «Ленинградскую группу». Так, на заседании Политбюро в 1947-м Сталин обмолвился: «Время идет, мы стареем. На своем месте вижу Алексея Кузнецова...» По воспоминаниям же А.И. Микояна, однажды на озере Рнца Сталин сказал своим спутникам, что, ввиду приближения старости, дума-

ет о преемниках. Наиболее подходящей кандидатурой на должность Председателя Совета Министров считает Николая Алексеевича Вознесенского, на пост Генерального секретаря ЦК – Алексея Александровича Кузнецова. «Как, не возражаете, товарищи?» – спросил Сталин. Никто не возразил.

На том же, первом, после окончания войны, мартовском пленуме ЦК, где наркоматы были переименованы в министерства, была расширена сфера деятельности, и, соответственно, возросла власть Жданова, он фактически стал первым помощником Сталина. А 26 февраля 1947 года избрали Вознесенского членом Политбюро. Эти политические возвышения немедленно привели к изменениям и во внутренней политике государства.

Новые полномочия позволили на новом уровне продолжить выполнение постановления Совета Министров от 26 декабря 1946 года: «О мерах по ускорению подъема легкой промышленности, производящей предметы потребления». В рамках специальной комиссии, созданной в 1947 году решением Политбюро ЦК, Жданов и Вознесенский занялись подготовкой проекта новой

программы ВКПб: «...развернуть жилищное строительство с целью обеспечить каждому трудящемуся – благоустроенную отдельную комнату, а каждой семье – отдельную квартиру, перейти к массовому производству автомобилей для населения, имея ввиду предоставить каждому гражданину в пользование автомобильный транспорт... и в завершение ... превратить пролетарскую диктатуру в диктатуру советского народа... превращение его (государства), по преимуществу, в орган управления жизнью общества». (karlxxi.wordpress.com>2012/10/24project...program...)

Все эти планы не стали тогда достоянием широкой общественности, остались известны лишь узкому кругу правящей элиты. Это произошло из-за того, что в конце 40-х годов так и не состоялся съезд ВКПб, где должен был быть представлен проект программы. На февральском Пленуме ЦК (1947) Жданов докладывал о работе комиссии и о решении собрать очередной XIX съезд ВКПб в конце 1947 г. или, во всяком случае, в 1948 г.

Все эти намеченные изменения были восприняты крайне настороженно правящей партийной верхушкой. Из воспоминаний Н.С. Хрущева: «Тогда считалось, что вот

Сталин и Вознесенский

тройка молодых – Вознесенский, Кузнецов, Косыгин. Они идут нам на смену». Эти слова подтверждают, что политический вес Центрального Комитета стал постепенно перемещаться в СНК СССР и этот процесс начался еще в годы войны. Н.С. Хрущев: «...13 лет съезд партии не собирали, 8 лет Пленум не собирали и как могли 20 лет Политбюро не собирали?... В два часа ночи поднимали и говорили, вот такие-то вопросы надо решать. Приезжали, нас спрашивали: «Покушать хотите?» А какая еда в два часа ночи? Ну, поели, теперь расходитесь. Это было заседание Политбюро. Вот как было». («Хрущевская оттепель», А.Пыжиков).

Небольшое отступление

Как заставить человека работать? Хорошо работать, самоотверженно. Ну, во-первых, голодом – метод хорошо известный («лежат в грязи рабочие, подмокший хлеб жуют»). Но голодный работник – плохой работник, да и работников не напасешься, мрут проклятые, и спрашивать с них качественный труд невозможно, по определению.

А как заставить относительно сытого работать? Тоже известно – пропаганда, действенная пропаганда, «Вставай страна огромная!» – утром, а вечером – сводки Совинформбюро, или наоборот, но вечно это действовать тоже не будет, человек живет на земле, а не на небе. «Главная потребность для жизни – вода и хлеб, одежда и дом, прикрывающая

наготу» (Библия, Сирах: 29,24), т.е. необходима и материальная заинтересованность. А у каждого человека в голове есть примерный для него жизненный стандарт. И, как правило, нет в нем ничего особенного. Этот стандарт формируется различными способами длительное время, зачастую, на протяжении нескольких поколений. Он стабилен, предсказуем, изменениям подвержена незначительная его часть, и, самое главное, не составляет большого труда его установить, систематизировать и разложить по разным группам населения и учесть при составлении межотраслевого баланса его основные практически неизменные элементы. Так вот, человек тогда работает хорошо, самоотверженно, готов добровольно претерпевать почти любые перенапряжения длительное время, когда он чувствует, что работа имеет смысл, она способна обеспечить ему необходимый жизненный уровень, в идеале, ему должно казаться, что вот-вот, еще немного, и его жизненный стандарт будет обеспечен. Американцы, например, решили эту проблему с другого конца – через кредит, даже немного завышая стандарт человека, а потом, держа его всю жизнь на «веревочке» страхом этого стандарта лишиться.

Можно, конечно, грубо снизить этот стандарт, образно говоря, предложив человеку вместо автомобиля велосипед. Он, конечно, и велосипед возьмет, но надрываться за него не будет. Как это происхо-

дило, например, в позднесоветское время – вы делаете вид, что мне платите, я делаю вид, что работаю.

Судьбоносные «разборки»

Все это прекрасно понимал и Вознесенский. Он только что победил объединенный промышленный Запад, многократно уступая ему по исходному потенциалу. Он создал и отладил, в страшнейших условиях, идеальный промышленно-экономический механизм, которому все равно, что выпускать – танки, самолеты, орудия..., или использовать часть его на удовлетворение насущных нужд рядовых победителей, зная, что конечный экономический эффект от этого многократно превышает понесенные затраты, не говоря уж об улучшении морального и политического климата в стране.

Но реализация «Генерального хозяйственного плана СССР на 1946–1965 годы», помимо чисто экономического аспекта, имела и политические принципиальные последствия. Противники исторической России прекрасно поняли, что еще немного – и страна выходит из интернационалистического проекта, что она постепенно вернется к традиционной национальной форме, с достаточно высоким уровнем жизни, а сытого, довольного человека никакими химерами, никакими бреднями и никакими утопиями и т.п. уже так просто не увлечешь. А это уже в ближайшей перспективе грозит потерей власти. Поэтому и последовал удар на взлете.

Отправлен в вынужденный отпуск на Валдай Жданов, главный руководитель «Ленинградской группы», где он и скончался 30 августа 1948 года, смерть его оставила много неясностей, слухов и догадок. Много позднее, в статье газеты «Правда» от 13 января 1953 года «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей» среди жертв назывался и А. Жданов.

Тон в начавшемся противостоянии задала статья И. Эренбурга в газете «Правда» от 21 сентября 1948 года – «По поводу одного письма». Статья крайне мутная и противоречивая, как по содержанию, так и по происхождению. Написанная, якобы, по поручению Маленкова, и даже согласованная с самим Сталиным, статья формально грозила си-

онистам, но в то же время, ставила на место «зарвавшихся» русских: «... Мракобесы издавна выдумывали небылицы, желая представить евреев какими-то особенными существами, непохожими на окружающих людей; мракобесы говорили, что евреи живут отдельной обособленной жизнью, не разделяя радости и горести тех народов, среди которых они проживают; мракобесы уверены, будто евреи – это люди, лишенные чувства родины, вечные «перекати поле»; мракобесы клялись, что евреи разных стран объединены между собой какими-то таинственными связями...»

Следом последовали скрытые удары и по самому Сталину, путем постоянного напоминания, что именно им на XVIII съезде 1939 года были предложены теоретические выкладки о путях строительства коммунизма, муссирования темы «О руководящей и направляющей» диктатуре пролетариата и т.п. Тогда же произошло объединение противников в лице «старой гвардии», возглавляемой В.М. Молотовым, А.И. Микояном и Л.М. Кагановичем, с союзом, возникшим в годы войны, во главе с Л.П. Берия и Г.М. Маленковым. (Позднее они вновь передерутся между собой, но против русских все выступили единым фронтом).

Дискредитация «Ленинградской группы» началась по всем направлениям, от обвинений в сепаратизме на основании письма Председателя Совета министров РСФСР М. Родионова (выдвиженца ленинградцев) от 27 сентября 1947 года, адресованного Сталину, с предложением создать бюро ЦК ВКП (б) по РСФСР, до обвинений в нарушении партийных норм, в организации Всероссийской торговой оптовой ярмарки в январе 1949 года в Ленинграде без специального решения центральных органов, в создании опасных прецедентов обхода центральных органов, в утрате документов, в шпионаже и, даже, в создании несанкционированного Музея обороны Ленинграда, и т.п.

Официальным началом «Ленинградского дела» можно считать выступление Г.М. Маленкова на заседании орг. Бюро ЦК от 20 ноября 1948 года, где он подверг уничтожительной критике министерство просвещения РСФСР, возглавляемое родным братом Н.А. Вознесенского, А.А. Вознесенским.

Художник Дмитрий Налбандян. «Для счастья народа. Заседание Политбюро ЦК ВКП(б)». 1949

Начало конца

Наступал 1949 год, судьба реформаторов была предрешена. На Пленуме 28 января 1949 г. Кузнецов был освобожден от обязанностей секретаря ЦК и в феврале 1949 г. назначен секретарем Дальневосточного бюро ЦК ВКП (б), которое существовало лишь на бумаге. 7 марта 1949 г. он был выведен из состава Оргбюро, а 13 августа 1949-го арестован в кабинете Г.М. Маленкова. 7 марта Вознесенский был освобожден от обязанностей заместителя председателя Совета Министров и председателя бюро СМ по металлургии и химии, выведен из состава Политбюро и отправлен в отпуск, во время которого подготовил капитальное исследование «Политическая экономика коммунизма», конфискованное затем при аресте, но главы которого, по слухам, были позднее, в октябре 1952 года, включены И.В. Сталиным, без указания автора, в работу «Экономические проблемы социализма в СССР».

Руководителя Московской партийной организации, секретаря ЦК Г. Попова (выдвиженца «Ленинградской группы») по обвинению в неправильной политике союзных министерств, заменили на Хрущева, вызванного с Украины, и арестовали. Прошли массовые аресты, которые не были преданы огласке, в средствах массовой информации о них ничего не сообщалось. По словам высокопоставленного генерала

МГБ П. Судоплатова, даже многие высшие работники госбезопасности толком о них ничего не знали.

12 января 1950 года происходит восстановление смертной казни, до этого отмененной Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1947 году.

26 сентября 1950 года обвинительное заключение официально утвердил Главный военный прокурор А.П. Вавилов. Судебный процесс решено было проводить в Ленинграде, 29 сентября, в окружном Доме офицеров. В состав коллегии вошли три генерал-майора юстиции под председательством И.Р. Муталевича.

Глубокой ночью 1 октября 1950 года в 00 часов 59 минут суд приступил к оглашению приговоров: «...Кузнецов, Попков, Вознесенский, Капустин, Лазутин, Родионов, Турко, Закржевская, Михеев признаны виновными в том, что, объединившись в 1938 году в антисоветскую группу, проводили подрывную деятельность в партии, направленную на отрыв Ленинградской партийной организации от ЦК ВКП (б) с целью превратить ее в опору для борьбы с партией и ее ЦК... Для этого пытались возбуждать недовольство среди коммунистов ленинградской организации мероприятиями ЦК ВКП (б), распространяя клеветнические утверждения, высказывали изменнические замыслы... А также разбазаривали государственные средства. Как видно из материалов

Николай Вознесенский

Петр Попков

Алексей Кузнецов

Михаил Родионов

дела, все обвиняемые на предварительном следствии и на судебном заседании вину свою признали полностью».

Военная коллегия Верховного суда СССР квалифицировала деяния осужденных по самым тяжким составам УК РСФСР – ст. 58 1а (измена родине), ст. 58-7 (вредительство), ст. 58-11 (участие в контрреволюционной организации). А.А. Кузнецов, Н.А. Вознесенский, П.Е. Попков, П.Г. Лазутин, М.И. Родионов и Я.Ф. Капустин были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. И.М. Турко получил пятнадцать лет лишения свободы, Т.В. Закржевская и Ф.Е. Михеев – по десять. Приговор был окончательный и обжалованию не подлежал.

Первого октября 1950 года были расстреляны Н.А. Вознесенский, А.А. Кузнецов, П.С. Попков, М.И. Родионов, Я.Ф. Капустин и П.Г. Лазутин. Следующие смертные казни происходили в 1951 и 1952 годах. Расстреляли М.А. Вознесенскую (сестру Вознесенского), И.С. Харитонову, П.И. Левина, П.Н. Кубаткина... Глава ленинградского МГБ генерал Кубаткин был репрессирован и расстрелян после закрытого суда. Всего по «Ленинградскому делу» было осуждено более 2 тысяч представителей ленинградской номенклатуры, из которых около 200 человек расстреляли, а по всей стране несколько тысяч руководителей, выдвиженцев военного времени, были репрессированы или получили «волчий билет» и лишились должностей.

В этом деле И.В. Сталин, так до конца и не отошедший от инсульта, перенесенного осенью 1945 года, не выдержав массивного, концентрированного, многоуровневого давления, постарался уйти в сторону, «умыть руки». (Правда, это ему

мало, что дало. Ему так и не простили выдвижения ленинградцев. И он был вынужден, для самосохранения, развязать, так называемое, «Дело врачей», и отказаться от начатых реформ, но опереться ему уже было не на кого).

А для Советского Союза уничтожение русских руководителей оказалось «разлитым маслом», только разлила его в данном случае не Аннушка, а сам товарищ Сталин. И жить Советскому Союзу осталось чуть более сорока лет. Конечно, история не терпит сослагательного наклонения, тем не менее, позволим себе предположить, что Вознесенский и Кузнецов не допустили бы полного обнищания русского центра и потери русскими всякого морального авторитета, не допустили бы разгула государственной русофобии, следовательно, не было бы такого чванливого разгула сепаратизма окраин, в том числе и на Украине, а русским не было бы так массово наплевать на свою судьбу!

Схватка за власть

Последствия заката «Ленинградской группы» не замедлили сказаться, в 1948 и 1952 годах увеличили главный налог с крестьян – сельскохозяйственный. Началась массовая, не контролируемая миграция русской сельской молодежи в города. Города «захлебнулись», будучи не в силах «переварить» такого нашествия голодных мигрантов. Зато на XI съезде ВЛКСМ весной 1949 года стоял «звон», первый секретарь ЦК Н. Михайлов: «Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме!»

Сразу же после смерти Сталина, в начавшейся ожесточенной схватке за власть, вопрос о «Ленинградском деле» был поднят на июньском Пле-

нуме ЦК КПСС 1953 года товарищем Хрущевым. А 30 апреля 1954 года Верховный суд СССР полностью реабилитировал всех обвиняемых по этому делу.

Официальной эта версия стала в мае 1954 года: сначала в Постановлении Президиума ЦК КПСС от 3 мая 1954 года, а затем в выступлениях Н.С. Хрущева и генпрокурора Р.А. Руденко на закрытом заседании ленинградского партактива 6–7 мая 1954 года. Было объявлено, что «Ленинградское дело» «сфабриковано бывшим министром госбезопасности В.С. Абакумовым и его подручными по указанию врага народа Л.П. Берии».

А еще несколько месяцев спустя перед судом предстали следователи по этому делу — министр государственной безопасности генерал-полковник В.С. Абакумов, начальник следственной части по особо важным делам генерал-майор А.Г. Леонов, его заместители полковники М.Т. Лихачев и В.И. Комаров, которые вели «Ленинградское дело». Военная коллегия Верховного суда СССР признала их виновными и приговорила к высшей мере наказания. Суд проходил с большой шумихой в Ленинградском Доме офицеров.

Затем эта версия была подтверждена 25 февраля 1956 года в печально известном Докладе Хрущева на XX съезде КПСС «О культе личности и его последствиях».

Волонтаризм

После расстрела Вознесенского постепенно начали разрушать плановую систему еще при жизни самого Сталина. А после смерти последнего в экономике началась полная вакханалия, вызванная, с одной стороны, безграмотным, а может быть даже, и диверсионным,

так называемым, «волюнтаристским» управлением, а с другой – по вполне объективным причинам – сама мобилизационная модель экономической системы по мере роста ее объема нуждалась в серьезных структурных изменениях и внедрении новых систем связи, расчетов, учета и контроля, в дополнение к существовавшим. В то время в стране имелось уже более 200 тыс. промышленных предприятий и свыше 100 тыс. строек. Оперативно управлять ими в режиме реального времени при помощи только телеграфа, телефона и арифмометра стало затруднительно. А экономика становилась все более диверсифицированной, вызывая резкое разрастание управленческого аппарата. Недостатки же управления стали приводить к дефициту товаров, сырья и транспорта.

Решить проблему вначале намеревались просто – объединив родственные министерства, сократить управленческий аппарат, приняв Закон Верховного Совета СССР «О преобразовании министерств СССР» от 15 марта 1953 года. Было создано 11 министерств вместо 24 ведомств. Однако они оказались слишком громоздкими, инерционными и неуправляемыми. От реформы отказались, и к началу 1954 года вернулись к прежней структуре управления, и почти сразу же бросились в другую сторону – к децентрализации, с опорой на местную инициативу, на республиканские министерства. В 1954–1955-х годах республиканским министерствам было передано из союзного подчинения свыше 11 тыс. предприятий. Передачу оформили Постановлением Совета Министров СССР «Об изменении порядка государственного планирования и финансирования хозяйства союзных республик» от 4 мая 1955 года, при этом значительно расширив права Советов Министров союзных республик и республиканских министров. Вдобавок, часть общесоюзных министерств была преобразована в союзно-республиканские. К компетенции союзных республик теперь стали относиться вопросы в области планирования, финансирования и строительства, труда и заработной платы, культурно-социального строительства, которые ранее решались Советом Министров СССР.

В целях борьбы с «излишней централизацией» в решении хозяйственных вопросов, 9 августа 1955 года Совет Министров СССР принял Постановление «О расширении прав директоров предприятий», согласно которому директора предприятий получили дополнительные права в области планирования, финансирования, определения материальных стимулов и заработной платы и штатов.

Однако положение в экономике только продолжало ухудшаться, поэтому в 1957 году Первый секретарь ЦК КПСС и Председатель Совета Министров СССР Никита Сергеевич Хрущев предложил не совершенствовать старую систему управления, а выстроить принципиально новую. На седьмой сессии Верховного Совета СССР 10 мая 1957 года был принят закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством». В соответствии с этим законом осуществлялся переход от отраслевого метода управления промышленностью и строительства к территориальному принципу. В мае-июне 1957 года было создано по всей стране 105 экономических административных районов, а для их управления – образованы Советы народного хозяйства (совнархозы), непосредственно подчиняющиеся Советам Министров союзных республик. Было упразднено 10 общесоюзных и 15 союзно-республиканских министерств. Работа предприятий одного совнархоза стала никак не связанной с работой других совнархозов.

На основе постановления Пленума ЦК КПСС и закона Верховного Совета СССР 18 апреля 1958 г. ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли специальное постановление, которое детализировало порядок проведения реорганизации машинотракторных станций (МТС). На практике же МТС были расформированы, до этого централизованно распределявшие технику по колхозам и совхозам, а самое главное, централизованно, квалифицированно, в оборудованных условиях, осуществлявших ее обслуживание и ремонт.

Нарастание хаоса

В результате всех этих реформ начались систематические перебои в снабжении даже элементарными продуктами питания и про-

мышленными изделиями. Стало открыто проявляться недовольство населения страны.

Децентрализация всех хозяйственных структур, с подрывом могущества министерств и ведомств, проходила с одновременным ростом влияния партийных структур на все стороны жизни государства. Из постановления Пленума ЦК КПСС по докладу товарища Н.С. Хрущева, принятого 23 ноября 1962: «...от партии требуется не только умение вовремя дать правильный лозунг, но и, со знанием дела, повседневно и конкретно руководить производством, развитием промышленности, сельского хозяйства, всех отраслей экономики». То есть, выполнять функции советских хозяйственных органов «в ручном режиме», для чего пленум признал необходимым перейти к производственному принципу построения руководящих органов партии «с низу до верху».

Весь этот «ералаш» сопровождался громогласными обещаниями догнать и перегнать Америку по производству зерна и мяса на душу населения (попутно запретив жителям городов и рабочих поселков держать коров и обревав им приусадебные участки), построить коммунизм к 1980 году и тому подобным «треском».

Недостатки новой организационной системы руководство страны начало осознавать только к началу 60-х годов, и для того чтобы поправить положение и наладить координацию всех совнархозов страны, были предприняты попытки по их укрупнению и созданию республиканских и общесоюзных СНХ. В марте 1963 года был образован Высший совет народного хозяйства (ВСНХ), также было решено создать Государственные комитеты по отраслям промышленности при Совете Министров СССР. Но все это до предела усложнило систему управления: Совет Министров СССР – ВСНХ СССР – СНХ СССР – Совет Министров союзных республик – республиканский СНХ – территориальный СНХ – трест – комбинат – предприятие! Однако вернуться к прежней отраслевой системе не захотели (подробнее см. А.В. Кутейников «Проблемы управления плановой экономикой»).

Автоматизированная система управления

Управленческая чехарда, спускаемая с самого верхнего уровня, лишь добавляла аргументов тем, кто предлагал вновь вернуться, но уже на новом техническом уровне, к практически уничтоженной всеми этими преступными реформами, плановой экономике. Так, в конце 1950-х гг. в Советском Союзе родился грандиозный план-проект создания автоматизированной системы управления экономикой страны. Его автором был выдающийся советский ученый, заместитель начальника Вычислительного центра Минобороны СССР, полковник, д.т.н. (1963 г.) А.И. Китов (1920–2005). По замыслу А.И. Китова, все имеющиеся в стране электронно-вычислительные машины (ЭВМ) необходимо было объединить в единую государственную сеть вычислительных центров для решения народнохозяйственных задач в мирное время и оборонных – в военное. В 1959 г. А.И. Китов обратился напрямую к главе партии и правительства Н.С. Хрущеву, написав ему два письма с предложением реализовать свой проект, но попытка А.И. Китова «достучаться» до высшего руководства страны имела для него самые серьезные негативные последствия. Руководство Минобороны СССР учинило расправу над ним, и А.И. Китов был вынужден уволиться с места работы.

Но погибнуть оригинальной идее А.И. Китова не дал директор Института кибернетики академик АН СССР В.М. Глушков (1923–1982). Он переосмыслил, творчески переработал проект А.И. Китова и добился решения советского руководства о разработке на государственном уровне проекта автоматизации управления советской экономикой (ОГАС). А.И. Китов стал соратником и заместителем В.М. Глушкова по работам, проводимым им в области автоматизированных систем управления в оборонных министерствах.

Согласно разработанному проекту, автоматизированная система управления должна была стать гигантским банком данных, в который по сетям связи поступала информация о работе всех предприятий страны. Сердцевиной системы был

Главный вычислительный центр, созданный в Москве. Он бы обрабатывал поступающую информацию, находил оптимальные варианты планирования, сигнализировал об имевших место в экономике диспропорциях. В памяти центрального компьютера фиксировался бы более объективный образ происходящих в народном хозяйстве процессов, что позволяло бы государственным органам управлять экономикой страны «в режиме реального времени». Технически ОГАС представлялась как единая сеть из тысяч вычислительных центров, покрывающая территорию всего СССР.

Но с самого начала начали проявляться глубинные, принципиальные проблемы, приводящие к самым серьезным конфликтам. Дело в том, что ведомство, которое распоряжалось бы ОГАС, могло стать центральным органом управления экономикой страны. В его руках была бы вся информация по стране, и он бы фактически стал бы центром принятия стратегических решений. Началась борьба. Все министерства, Госплан СССР, ЦСУ СССР спорили, кто будет хозяином автоматизированной системы.

Официально разработка проектных материалов по ОГАС началась в сентябре 1963 г. Председатель Госкомитета по науке К.Н. Руднев издал приказ об образовании рабочей комиссии. Комиссия должна была в течение двух месяцев разработать концепцию ЕГСВЦ и представить ее на рассмотрение Межведомственному совету. И здесь очень большую помощь оказали старые работники еще военного времени, среди которых – Василий Михайлович Рябиков, первый заместитель председателя Госплана, ответственный за оборонную тематику. Он во время войны был уполномоченным Государственного Комитета обороны по Уральскому промышленному району, где и провел большую работу по перестройке уральской промышленности на нужды войны. А так же И. Спирин, заведовавший сводным сектором оборонных отраслей в Госплане СССР. Во время войны был уполномоченным Государственного Комитета обороны по Волжско-Вятскому промышленному району. В сентябре 1964 г. комиссия

Алексей Николаевич Косыгин

Глушкова фактически завершила свою работу. (подробнее см.: В.М. Глушков, «Заветные мысли для тех, кто остается», журнал «Марксизм и современность», №1 2004 г.)

Государственный переворот

Но 14 октября 1964 г. Н.С. Хрущев стал «всесоюзным пенсионером». В начавшейся борьбе за власть далеко не сразу Леонид Ильич станет «дорогим». Противоборствующим группировкам на тот момент было не до глобальных реформ. Обошлись тем, что несколько стабилизировали ситуацию, восстановив Министерства и плановую отраслевую экономику, что позволило стране немного «отдышаться», но на более глубокие реформы, на реализацию прорывных возможностей страны, ни сил, ни желания у властвующих уже не было. А то, что планирование велось, в основном, от достигнутого, то, что проходили систематические корректировки уже сверстаных планов, приводившие к дисбалансировке народного хозяйства, воспринимали, как неизбежное, и план дополняли и исправляли в «ручном режиме».

Реформа «Косыгина-Либермана»

Однако шарахання из стороны в сторону на этом не закончились, в 1965 году была проведена реформа Председателя Совета Министров Косыгина, которую правильно нужно называть «реформой Либермана». По имени её настоящего

автора – Евсея Григорьевича Либермана. (Сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1965 года. «Повышение эффективности всего социалистического производства». См., например, «Социально-экономические проблемы истории развитого социализма в СССР», издательство «Наука», Москва, 1976 год, в статье Е.Э. Бейлина «Разработка новых принципов хозяйствования и их осуществление в промышленности СССР», стр. 92–95).

Суть реформы: при плановой экономике, отрасли дополняют друг друга. Работает принцип общегосударственного хозрасчета. И если одни заводы работали с нулевой рентабельностью, то их продукция, благодаря низкой стоимости, позволяла выпускать высокорентабельные конечные изделия. В результате все народное хозяйство работало «в плюс», все силы работали над главной целью – сверхзадачей, поставленной Правительством. А прибыль определялась, как разность между «твёрдой» на какой-то период ценой и получившейся себестоимостью. Госплан жестко контролировал производство важнейших для народного хозяйства изделий в штуках. Плановые показатели спускались сверху. Все отрасли были взаимоувязаны. Суть «преобразований» заключалась в следующем: предприятиям предоставлялась хозяйственная самостоятельность. Вместо показателя валовой продукции, как главного критерия эффективности предприятия, главным критерием стала прибыль, рентабельность и показатели реализованной товарной продукции в денежном выражении. Заводы теперь могли сами определять методы выполнения производственного плана, численность своих работников, среднюю заработную плату и производительность труда. Главным стало – извлечение прибыли. Прибыль продолжала образовываться как процент от себестоимости. То есть, чем выше себестоимость, тем выше прибыль. Так вошел в механизм затратной экономики: цена должна быть равна себестоимости плюс 20 процентов от неё. В результате все, кто раньше за снижение себестоимости и цены поощрялся, теперь стали за это материально наказываться. Предприятиям стал невыгоден научно-технический прогресс. Зачем уменьшать затраты на

В. Глушков (сидит на стуле) в группе коллег. Киев, 1960 год

производство, если можно планомерно увеличивать себестоимость конечной продукции? Следствием стало прекращение реального роста производительности труда. Зачем повышать производительность труда, если её целью является снижение затрат ресурсов и времени на единицу продукции?

Из статьи В.Ф. Быкова «Реформа, погубившая СССР»: «Интерес к увеличению стоимости привел к варварскому расходованию материальных ресурсов, ибо стоимость прирастала затратами прошлого труда. Например, металлургические предприятия были заинтересованы выпускать прокат, содержащий как можно больше металла, т.е. по максимально допустимой толщине. Затем из этого проката, диаметром 100 или даже 200 мм точился вал для какого-нибудь дымососа или компрессора диаметром 50 или 25 мм».

В результате стало снижение количества произведенной продукции в натуральной форме. Ведь при росте себестоимости изделий и количества, затраченных на их производство материалов, постепенно падало реальное количество выпускаемых изделий. Так был легализован механизм перевода безналичного рубля в наличный. Сокращение реального производства при одновременном «выполнении» плана в стоимостных показателях привело к скрытой инфляции в виде товарного дефицита. Экономика стала работать не как единый организм, а как совокупность предприятий, преследующих свои местечковые интересы, а не целой страны – системы.

Пятая колонна

Но, все-таки, глобальный проект полностью не забыли и работы по его внедрению продолжались. А тем временем, начиная с 1964 г., стали против проекта открыто выступать харьковские экономисты Белкин, Бирман и др. Большинство из них сейчас, либо в США, либо в Израиле. Бирман – экономический консультант фирмы «Дженерал электрик». (По данным В.М. Глушкова).

Поскольку всё было секретно, то фактически никто ничего не знал об этой работе. Впервые о ней открыто упомянули только в проекте Директив XXIV съезда, где было написано об ОГАС, ГСВЦ и т.д. Сразу же заволновались американцы. Потому что они не на войну делали ставку – это только прикрытие, они гонкой вооружений стремились задушить нашу экономику, и без того слабую. И, конечно, любое укрепление нашей экономики – это для них самое страшное, что только может быть. Поэтому появилось сначала две статьи: одна в «Вашингтон пост» Виктора Зорзы, а вторая – в английской «Гардиан». Статья Виктора Зорзы называлась «Перфокарта управляет Кремлем» и рассчитана была на наших руководителей. Там было написано так: «Царь советской кибернетики академик В.М. Глушков предлагает заменить кремлевских руководителей вычислительными машинами».

Статья в «Гардиан» была рассчитана на советскую интеллигенцию. Там было сказано, что, вот В. М. Глушков предлагает сеть вычисли-

тельных центров с банком данных, что это, конечно, очень современно, и в техническом отношении даже превосходит все, что есть сейчас на Западе, но только на самом деле это все не для экономики, а по заказу КГБ, чтобы мысли советских граждан упрятать в эти банки данных и следить за каждым человеком. Эту вторую статью все западные радиостанции типа «Голоса Америки» многократно транслировали на разных языках на Советский Союз и страны социалистического лагеря.

А в начале 1972 г. в «Известиях» была опубликована статья Мильнера, который тогда был заместителем директора Института Соединенных Штатов Америки Арбатова. Статья называлась «Уроки электронного бума». В ней он пытался доказывать, что американцы переболели этой болезнью, что теперь у них уже вычислительных машин никто не берет и спрос на машины упал. Затем последовал целый ряд докладных записок в ЦК КПСС от наших экономистов, командированных в США, в которых говорилось, что использование вычислительной техники для управления экономикой аналогично популяризации абстрактной живописи, как новой моды. Что, мол, потому только капиталисты покупают машины, что это модно, так же как и абстрактные картины, чтобы не показаться несовременными. Это имело самые отрицательные последствия, поскольку шло на самый верх.

Вдобавок эти нападки вошли в резонанс уже с существующим мнением, что внедрение подобной системы фактически лишит партийных работников реальной власти, так как «ручное управление» станет невозможно и центр принятия решений и контроль за исполнением постепенно переместится в руки математиков-программистов. Последовали возражения и от Председателя Совета Министров А.Н. Косыгина, тем более, что впервые задача построения общегосударственной автоматизированной системы управления экономикой, была поставлена им же еще в ноябре 1962 года, бывшим в то время Первым заместителем Председателя Совета Министров, а затем все время ее курировавшего.

Финишная прямая

И началась компания по подмене комплексного межотраслевого планирования до уровня управления технологическими процессами. Этот удар был очень точно рассчитан, потому что и А.П. Кириленко, и А.Н. Косыгин, и «дорогой» Леонид Ильич, были технологи по образованию, и технологические процессы были им близки и понятны. В 1972 г. состоялось Всесоюзное совещание под руководством А.П. Кириленко, на котором главный крен был сделан в сторону управления технологическими процессами. Это была полная победа ЦРУ. Кампания дезинформации удалась. Удар по управлению – наиболее верный способ выиграть экономическое соревнование. И, кроме того, дешевый.

«Масло» сделало свое дело, «перестройка» уже началась, развал страны вышел на финишную прямую, хотя основные разрушители еще ничего не знали и занимали сравнительно скромные государственные должности.

Лишь в оборонной промышленности под началом Д.Ф. Устинова, который в 1965 г. стал секретарем ЦК КПСС, а до этого был председателем ВСНХ СССР, были созданы и запущены комплексные плановые системы и оборонка была на уровне.

Частично эту систему удалось внедрить и в масштабах Украинской республики. В Киеве была создана одна из лучших мировых школ систематологии (см., Зайченко Ю.П., «Исследование операций», Учеб. пособие для студентов вузов, 2-е изд., перераб. и доп., Киев, Вища школа, Головное изд-во, 1979г. В настоящем пособии излагаются основы исследования операций — науки, которая ставит своей целью оптимизацию решений, принимаемых человеком в системах организационного управления).

А, тем временем, начались массированные нападки на сам принцип планирования, как не способный устранить диспропорции производства, его перекосы, как источник всеобщего дефицита, как главный тормоз на пути выпуска качественной продукции, и т.п., а главное – неспособный обеспечить достойный уровень жизни населения. В эту кампанию

помимо «вражеских голосов», маститых ученых, раскрученных экономистов, массовиков-затейников, якобы высмеивающих отдельные недостатки социализма (вспомним хотя бы репризы товарища Райкина), на последнем этапе включились и видные партийные и хозяйственные деятели, кто по незнанию, кто по душевной лени, а кто и осознанно, надеясь на развале страны хорошо заработать. При этом не имело принципиального значения, кто к какому лагерю принадлежал, подлинных причин развала не знала ни одна из враждующих сторон.

Идеальная имитация

Вот высказывание настоящего советского патриота в лучшем смысле этого слова, категорически отвергшего тот путь, по которому пошла наша страна в начале 90-х годов, Н.А. Паничева, последнего министра станкостроительной промышленности Советского Союза: «К 1985 году мы все понимали, что дальнейшее развитие только командно-административным методом невозможно. Мы понимали, что такое ускоренное развитие техники, особенно машин, оборудования, не позволяло содержать в конкурентоспособной среде нашу продукцию. Мы отставали от развитых стран по конкурентоспособности, по надежности, по качеству изделий. Я скажу, почему: потому что система, которая была установлена после войны и существовала все эти годы – планирование от достигнутого – не побуждала и не заинтересовывала предприятия и также субъекты страны заниматься развитием техники так, чтобы держать ее на уровне конкурентоспособности.

К сожалению, было так, что если мне спланировали такое то количество единиц оборудования, значит, уже спланировано, кому оно будет поставлено. И мы дошли до того, что к 1985 году по моей отрасли мы знали, что в промышленности установлено 6,5 млн единиц металлообрабатывающего оборудования, станков и прессов, в то время когда станочников по их обслуживанию насчитывалось всего 3,5 млн. Поэтому и производительность труда, и эффективность всей работы сдерживалась,

тормозилась, и, конечно, требовались реформы. Я убежден, что ни одна экономика мира не может долго существовать в таком едином виде, как она когда-то была задумана, как ее сделали — будь то капиталистическая, социалистическая или смешанная, любая. Идет время, возникают новые задачи, новые требования, и все это требует, конечно, реформирования» (Из эфира КМ ТВ, программа «Конференция», 15.08.2011 года).

То, о чем рассказывает уважаемый Николай Александрович, никакого отношения к плановой экономике не имеет, это всего лишь ее имитация, навешивание чужих грехов и подлая дискредитация. Однако он, на полном серьезе уверяет, что весь тот дебилизм, что творился в нашем народном хозяйстве, и есть следствие планирования, т.е. «административно-командной системы управления экономикой», ему и в голову не приходит, что все те перекосы, противоречия, примеры которых он приводит, и есть именно следствие саботажа, именно последствия скрытого отказа от плановой экономики при сохранении прежней риторики. И одной из наших трагедий сегодня является то, что даже такие неравнодушные, имеющие громад-

нейший опыт работы на ключевых государственных должностях и желающие вникнуть в суть произошедшего развала, до сих пор не поняли пропагандистских уловок наших разрушителей. Он не понял — то, что у нас именовали плановой экономикой, на самом деле никакой плановой экономикой давно уже не являлось!

Отсутствие национальной воли

Так, даже самый общий обзор показывает, что все наши провалы есть не следствие незнания или отсутствия информации, а результат всесторонне спланированной акции, в которую оказалось втянуто большое количество представителей нашего высшего руководства. Тут главное другое — отсутствие политической воли в разрешении общенациональных экономических проблем. И связано это со скрытым, а как в случае с банановыми республиками, то и вполне с открытым, нежеланием решать возникающие проблемы в общенародном масштабе, довольствуясь разрешением своих, узкокорыстных, эгоистических целей и интересов.

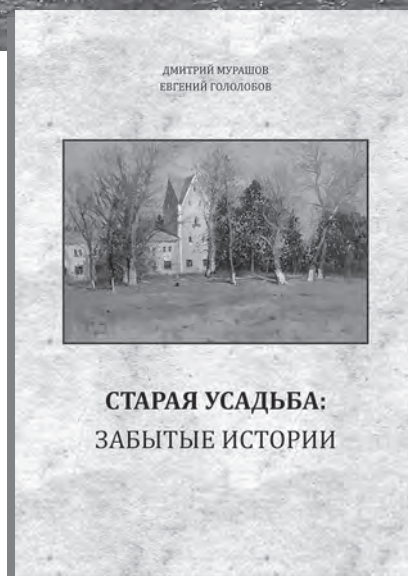
Из романа Артура Хейли «Менялы»: «Не теряйтесь, если эксперты начнут засыпать вас непонятны-

ми терминами, путать рассказами о хитроумных пружинах, движущих финансовыми операциями. Поверьте мне: в основе этих операций лежат все те же простые категории, с которыми вы сталкиваетесь, когда занимаетесь домашним бюджетом, — доходы, расходы, дебет, кредит, долги, накопления, — только все много сложнее, но в принципе все то же. Если вы это поймете, вам все станет ясно».

Плановая экономика это не «си-некура»; ответственность, необходимость инициативы и риск от принимаемых решений, она поднимает на самый верх и требует самоотверженного ежедневного труда, в том числе, и от правящего класса. А самоотверженный труд, как уже говорилось, невозможен без морально-нравственной мотивации. А эту мотивацию может дать, или религиозный фанатизм, или мессианский национализм, а лучше и то и другое. Поэтому ни коммунистическая, ни либерально-демократическая модель общества не в состоянии создать рациональную, высокоэффективную экономическую систему, способную в полной мере отстаивать национально-государственные интересы всего общества в целом, а не одни шкурные интересы правящего класса.

АДРИАН УСТИНОВ И ЕГО УСАДЬБА

ОТ РЕДАКЦИИ:

История дворянских усадеб Пензенского края тесно переплетена с судьбами их владельцев. Об одних из них мы знаем много, о других — достаточно, о третьих — почти ничего. Книга Дмитрия Мурашова и Евгения Гололобова, совместный результат труда историка и художника, рассказывающая о бековской усадьбе Адриана Устинова (в советские годы на ее месте располагались сначала военный, а затем профсоюзный дома отдыха) расширяет (и значительно!) имевшиеся представления об этом потерянном ныне уголке нашего прошлого.

Книга называется «Старая усадьба: забытые истории». Ее главный герой — дворянин Адриан Михайлович Устинов (1802-1885), при жизни которого и сложилась сама усадьба. Каждая глава — отдельная история (или несколько историй), связанные с главным героем. От его рождения и до самой смерти. В их основе, как правило, находится никогда ранее не публиковавшийся архивный материал — в этом и кроется объяснение «забытых историй». Современный читатель знакомится с ними впервые. От этого знакомства может закружиться голова! Фейерверк знаменитых фамилий русской истории гремит на каждой из ее страниц.

В «добековском» прошлом Адриана Михайловича, служившего в Министерстве иностранных дел, — граф Нессельроде, генерал-губернатор Петербурга Милорадович, реформатор Сперанский, декабристы — от Сергея Трубецкого до Петра Свистунова. В Беково, гостями устиновской усадьбы были князь Петр Вяземский и Николай Лесков, Борис Чичерин и Александр Норов (переводчик «Философического письма» Чаадаева), знаменитые братья Кривцовы — Николай и Сергей, друг Пушкина и декабрист. Дочь Адриана Михайловича Екатерина была женой Аркадия Столыпина,

Усадьба Устиновых

их сын Дмитрий — сводным братом премьер-министра Петра Столыпина, а знаменитая «татарская Венера» Варвара Дмитриевна Римская-Корсакова, чей портрет хранится в Пензенской картинной галерее, была супругой Николая Римского-Корсакова, родного брата Анастасии Устиновой, жены сына Адриана Михайловича Михаила. Анастасия (кстати, племянница Грибоедова) умерла и похоронена в Беково, как и первая супруга Аркадия Столыпина. А через Юлию Устинову, дочь Адриана, бековские Устиновы связаны с грабовскими, чей шикарный дом, в отличие от разрушенного в двадцатые годы прошлого века устиновского дома в Беково, радует нас и сегодня. Юлия Адриановна — мать Натальи Устиновой (урожденной Мессинг), последней помещицы Грабово.

На страницах книги подробно говорится об Устинове — помещике, его хозяйственных заботах, строительстве им первой частной железной дороги в России, кумысной лечебнице, организации им Покровской ярмарки, входившей порой по торговому обороту в десятку крупнейших ярмарок империи. Исследуются литературные, художественные и политические пристрастия Устинова. Впервые печатаются страницы личного дневника бековского помещика.

Е.В. Гололобов. Вид на усадьбу Устиновых со стороны железнодорожного вокзала. 2021

Книга содержит фотографии усадьбы Устинова, внутренних интерьеров ее главного дома, так называемого Зеркального дворца, публикуются портреты и самих владельцев. Органично вписываются в книгу репродукции с картин Евгения Гололобова, показывающие усадьбу в цвете. Это первый опыт подобной визуализации места действия в нашей краеведческой литературе.

В общем, тот, кто прочитает «Старую усадьбу», совершит увлекательную прогулку в XIX век и откроет скрытые под спудом времени забытые потомками истории усадьбы в Беково, где ныне пансионат ветеранов войны и труда.

С разрешения авторов мы публикуем одну из глав книги, посвященной гибели графа Александра Петровича Апраксина (1784–1845). В Википедии о нем сказано: «полковник, участник Наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 года; масон и камергер; агент русского правительства в Австрии». Апраксин являлся помещиком села Нарышкино, располагавшегося рядом с Беково (сейчас это одно село), и за свою жестокость был убит своими крестьянами. Адриан Михайлович оказался единственным современником, кто оставил письменные свидетельства этого происшествия.

СМЕРТЬ ГРАФА АПРАКСИНА

Граф Александр Петрович Апраксин был соседом Адриана Михайловича Устинова по имению. Его усадьба находилась в двух верстах от устиновской в селе Нарышкино (ныне микрорайон Беково). Он получил ее в наследство от своей матери Елизаветы Кирилловны, урожденной Разумовской – дочери графа Кирилла Разумовского, родного брата супруга императрицы Елизаветы Петровны Алексея Разумовского (они обвенчались в 1742 году). Он был «простым украинским парубком с дивным голосом», когда его привезли в столицу в придворную капеллу. Дочери Петра I, тогда еще принцессе, парубок понравился и стал ее фаворитом, а после восшествия на престол – супругом. Разумовский получил высшие чины, стал богатым, а его род обрел графское достоинство. Такой же стремительной была карьера и Кирилла Разумовского. Историк Евгений Анисимов пишет: «Его история напоминает сказку. Однажды за ним, 16-летним пастухом, приехали из Петербурга, доставили в столицу,

Е.В. Гололобов. Зеркальный дворец. 2021

умыли, одели и отправили учиться и путешествовать за границу. Вернувшись в Россию, он в 22 года стал гетманом Украины и президентом Петербургской академии наук. Кирилл был похож на брата – ленив, добродушен и не жаден до власти. В начале 1750-х годов Разумовских оттеснили от престола Шуваловы. Это стало возможным, потому что у 40-летней Елизаветы появился новый молодой фаворит – Иван Иванович Шувалов».

Граф Апраксин был плодом страстной любви Елизаветы Кирилловны Разумовской и Петра Федоровича Апраксина. За эту любовь и он, и она претерпели. Апраксин в 1775 году отсидел в Петропавловской крепости, но, выйдя из нее, все-таки обвенчался с Елизаветой и скрылся. По приказу Екатерины II супругов поймали и отправили в заточение в монастыри. Графа – в тобольский Далматов монастырь, графиню – в московский Новодевичий. Вскоре Елизавету Кирилловну сослали в деревню к сестре, а Петра Федоровича – в Казань; в 1781 году он получил право жить во внутренних губерниях России, кроме столиц. Опала была с Апраксиных снята только Павлом I. Будущий владелец Нарышкино родился в 1784 году.

Апраксин принадлежал к высшему кругу российско-го дворянства. Его карьера прошла в Коллегии (министерстве) иностранных дел и в двух гусарских полках: лейб-гвардейском и Ахтырском. В последнем он воевал с Наполеоном, в том числе и на Бородинском поле. Граф был храбрым воином. За войну 1812 года Апраксин был награжден орденами Св. Владимира IV степени с бантом и Св. Анны III и IV степени. За заграничные походы русской армии 1813–1814 годов – орденами Св. Анны II степени, Св. Георгия IV степени, золотой саблей, высшим орденом Пруссии «За заслуги» и шведским орденом Меча. Последнее место службы графа – российское посольство в Вене, Австрийская империя. В 1834 году в чине действительного статского советника пятидесятилетний Апраксин вышел в отставку.

Граф жил в своих обширных черниговских владениях (ныне это территория Украины). Доктор Эраст Степанович Андреевский, знавший его, так характеризовал графа: Апраксин был «страшный человек. Жесток, подл, он считал девок своих поместий собственностью в полном смысле слова и даже замужних жен отбирал от мужей. Сек он на смерть за собак, за лошадей. Бил даже французов, которые у него служили, если его парики, прически и прикраски его не вполне удовлетворяли и не показывали его юношью, между тем как ему было уже за 60 лет».

Граф Апраксин был женат дважды. Первый раз на Александре Васильевне Давыдовой, племяннице Евграфа Давыдова – двоюродного брата Дениса Давыдова (со знаменитым героем войны 1812 года Апраксин служил в лейб-гвардии гусарском и Ахтырском полку, а Евграф Давыдов был командиром Апраксина в лейб-гвардии гусарском). Второй раз – на Елене Николаевне Безобразовой, падчерице посла в Австрии Дмитрия Татищева. В обоих браках были дети. Андреевский острил, что после второго развода у Апраксина «развилось» «необузданное влечение к брачной жизни». «Девок» графу «привозили» в Одессу, где тот жил, из его «черниговской вотчины». В общем: седина – в голову, бес – в ребро.

На балу у Михаила Воронцова, губернатора Новороссии, Александр Апраксин встретил дочь местного богатого помещика Варвару Дмитриевну Куликовскую, которая «пленила старого волокиту» – писал Андреевский.

Она была «пучеглазая, но смугленькая и довольно грациозная». На бал Куликовская явилась в греческом костюме. Граф захотел жениться. Но церковь разрешения на третий брак не дала. Апраксин вышел из ситуации. В Бессарабии за «кругленькую сумму» он нашел священника, который влюбленных и обвенчал.

Но свершенное было дурным тоном, и Апраксин, следуя примеру отца, скрылся.

В качестве убежища он выбрал одно из своих глухих поместий – Нарышкино.

Тогда это была Саратовская губерния.

Так Апраксин оказался соседом Устинова.

12 апреля 1845 года граф Апраксин погиб во время пожара. Для Андреевского, как и для других его знакомых, не было сомнений, что «дом подожгли крестьяне, чтобы избавиться от своего, более жено, нежели чело-веколюбивого барина». Однако это был взгляд издалека.

Единственным же свидетелем пожара в усадьбе, уби-вшего графа: свидетелем, который оставил письменное свидетельство того, как все было, оказался Устинов. Сохранилось его объяснение «во временное отделение Сердобского Земского суда, составленное по случаю пожара в доме графа Апраксина, от которого он сам, граф Апраксин, и супруга его погибли».

Адриан Михайлович Устинов: «На сделанные мне временным отделением вопросы имею честь объяснить следующее: сего апреля месяца 12-го числа в 5 часов утра взшел в мою спальню камердинер с известием, что дом графа Апраксина горит и что графа и графиню ищут везде и нигде не находят. Я в одну минуту оделся и с родственником моим Карлом Ивановичем Мюльфельдом сел верхом на оседланных уже лошадях и, прискакавши на место пожара, нашел все мои трубы и большую часть бековских жителей действующими. По прибытии первый мой вопрос, сделанный людям нарышкинским, был, где граф и графиня, на что получил в ответ, что их нигде не найдут, то французский повар Дюмон, пробив окошки в спальню, хотел было в оную войти, но по случаю сильного дыму и огня не мог, тогда начал кричать и звать графа и графиню, но принужден был выйти, не получив никакого ответа. Бросились опять через гостиную, находящуюся возле спальни, но и оттуда принуждены были выскочить. Я нашел уже дом весь в огне и так жарко горящим, что не было возможности ни с какой стороны к нему подойти. Увидевши совершенную невозможность спасти графа и графиню, я все старание употребил, чтобы сохранить по крайней мере их тела, и для этого обратил действие всех моих труб и бывшего там народа к крыльцу, неподалеку от спальни находящегося. Уменьшивши огонь, приступил тотчас к ломке стен наружных спальни и гостиной, которые повалил в палисадник. Тут вскочил я по лестнице на оставшуюся еще горящую стену и увидел в дыму обгорелое тело, приметивши его, я тотчас дал знать о том становому приставу и вместе с тем обратил все силы и средства, чтобы в сем месте преодолеть огонь и спасти, по крайней мере, что уже найдено. Но как дым и пламя с противной части дома имели по случаю существующего ветра все направление на самое то место, где я видел тело, я приступил ломать и заливать оставшиеся на той стороне полы, балки и прочий годящийся лес. Когда оказалось возможным сойти в спальню, то в присутствии пристава, приступившего к осмотру тел, от одного оставалось только одно туловище, после

чего с возможной осторожностью начали отрывать и отыскивать прочие члены. В направлении шеи что нашли – это золотая цепочка и обгорелый медальон, который граф носил на себе. На ½ аршина ниже, на том самом месте, где предполагаем, что должна лежать графиня, отрыли ее тело и венчальное ее кольцо. Тела были перенесены станovým приставом в особенную комнату одного из флигелей. Возвратившись домой, я спросил моего камердинера, каким он образом узнал о пожаре, на что он объяснил мне следующее: выходя от заутрени часов около 4-х утра, он услышал слабый, странный колокольный звон и, подошедши к воротам, увидел в направлении дома графа Апраксина дым, но не очень сильный, и прежде чем разбудить меня, в намерении удостовериться, что действительно ли это пожар, он решил сходить туда и, проходя мимо конюшни, из одной предосторожности приказал запрягать пожарные трубы и оседлать лошадей и ехать как можно быстрее в Нарышкино. Когда же он пришел на место пожара, то уже окна были разбиты и дым, и пламя выходили из всех отверстий: увидевши это, он побежал назад домой, чтобы предупредить меня. Причины же сего пожара мне неизвестны, и потому объяснить их не могу, но по осмотру дома примечены мной, что самый сильный огонь был в спальне и гостиной и возле их бывшего коридора, что заключаю я из того, что в сем месте не осталось решительно ничего ни от полу, ни от балок и что столбы, на которых лежал пол обгорелый до самого материка, в прочих же комнатах нижние столбы гораздо меньше обгорели, и полы хотя несколько истлевши не были выломаны. Бывший самый ближний сосед графа и в частых с ним сношениях, я всегда удивлялся, как жарко он заставлял у себя топить печи, так что температура в комнатах была почти обыкновенно выше 20 градусов тепла, дом же был ветхий, и с половины мая граф располагал в некоторых участках исправить и перекладать печи. Я старался секретным образом разведать между моими людьми о причинах сего пожара, но ничего решительно узнать не мог».

Итак, по мнению Адриана Устинова, причиной пожара могли стать плохие печи в ветхом доме графа. Стоит обратить внимание на то, что Апраксин собирался делать ремонт, а то, что он начал строительство и новой церкви (об этом дальше), свидетельствует о его планах обосноваться в Нарышкино надолго. Устинов пишет, что очаг пожара мог располагаться в печи, что выходила в спальню и гостиную. В общем, если верить бековскому помещику, то пожар – несчастный случай.

Но...

Адриан Михайлович не исключает и другую причину. О ней он не говорит, но она видна – умышленный поджог. Иначе зачем он спрашивал своих людей о «причинах сего пожара». Спрашивал, но ничто не узнал.

Восстанавливая хронику пожара в изложении Устинова, обращаешь внимание на детали в пользу этой версии: 1) пассивность крепостных крестьян графа при тушении пожара. Его тушат бековские крестьяне, потому что Бекова и Нарышкино стоят бок о бок и пожар мог быстро перекинуться в Беково. 2) «странный колокольный звон», услышанный устиновским камердинером, шедшим от заутрени. Как будто сигнал к чему-то. 3) тело графа Апраксина, найденное без головы. Голову так и не нашли.

Из всего этого вытекает вывод: граф Апраксин был убит (обезглавлен) в своей спальне. Вместе с ним была

убита и его жена Варвара Дмитриевна (как свидетель). А затем убийцы совершили поджог спальни, чтобы скрыть следы преступления, при этом почему-то забрав голову графа с собой. Кто убил? Крепостные крестьяне графа. Зная отношение Апраксина к крестьянам (Эраст Андреевский хорошо это описал), в ненависти крепостных к барину не приходится сомневаться.

Есть и другие обстоятельства. Адриан Михайлович уже в другом письме дипломатично писал: «Экономия Нарышкина приведена в самое жалостное и расстроенное положение, люди, которым было вверено управление оной, разорили крестьян употребляя во зло данное им доверие». В письме же к отцу за тринадцать лет до пожара (1832) Устинов без обиняков писал: «нарышкинские крестьяне по миру ходят». Приезд барина мог породить надежды на улучшение, но они не сбылись. При особенностях характера Апраксина все могло только ухудшиться. Причина весомая, чтобы расправиться с помещиком.

Графский дом полностью не сгорел. В присутствии Устинова была произведена опись уцелевшего имущества Апраксина, и его вскоре отправили наследникам. Таковыми стали Дмитрий Васильевич Васильчиков, женатый на родной сестре графа Адelaide, и Михаил Петрович Храбровицкий – муж дочери Апраксина от первого брака с Давыдовой Лидией. Дмитрий Васильчиков был родным братом Иллариона Васильчикова, фаворита императора Николая I и председателя Комитета министров, главы Государственного Совета. Переписку Адриан Михайлович вел с Дмитрием Васильчиковым, обер-егермейстером (придворным, который заведовал царской охотой), а в 1811–1815 годах командовал Ахтырским гусарским полком, где служил Апраксин.

Это была странная переписка. Родные Апраксина не могли решить, где его похоронить.

Устинов с самого начала предлагал упокоить прах графа и его супруги в новой церкви, которую тот начал строить, так как похоронить Апраксиных «в деревянной нарышкинской церкви нет никакой возможности». «Она так ветха, – писал Адриан Михайлович, – что некоторым образом опасно производить в ней служение». На месте гибели Апраксиных Устинов предлагал возвести «часовню с монументом». Но Васильчиков не одобрил данный план. Он решил похоронить графа и его супругу там, где они погибли.

Поэтому 26 апреля 1845 года, через две недели после гибели, Апраксины были отпеты в Покровской церкви Бекова и их «дубовые гробы» были спущены в подвал церкви, где они находились до 21 июля 1845 года. В этот день их перенесли в склеп, сооруженный на месте гибели: «тела усопших поставили рядом». Но в декабре 1845 года мнение Васильчикова поменялось: «Предложение наше строить часовню над телами покойников, где они кончили жизнь, изменилось, и мы решили тела их перенести в церковь, которая будет строиться по назначению покойного графа, а дабы место, где они имели несчастье сгореть, было известно, то мы здесь закажем чугунный небольшой монумент, который поставим на место, где тела их теперь лежат».

Таким образом, в итоге получилось так, как изначально предлагал Устинов: похоронить Апраксиных в церкви, которую начал строить граф. Ахтырская церковь – она посвящалась Ахтырской иконе Божией Матери – была возведена в 1859 году. Апраксин был ротмистром Ахтырского гусарского полка (с ним он прошел войну 1812

Е.В. Гололобов. Покровская церковь. 2021

года), а праздником этого полка являлся День чудотворной иконы Ахтырской Божией Матери. К сожалению, не сохранились фотографии Ахтырской церкви, позволявшие бы точно определить место погребения графа и его супруги. Но, согласно дневнику Адриана Михайловича Устинова, Апраксины были погребены в склепе Ахтырской церкви. Саратовский губернатор Михаил Галкин-Враской, бывший в гостях у Устинова, 3 июля 1876 года посетил склеп Апраксиных, который был в подвале церкви. В своем дневнике Адриан Михайлович записал, что долго искали ключ от склепа, а когда вошли в него, то обнаружили там «вино, квашенную капусту, грязную одежду и бочки». Губернатор был удивлен и «попросил сделать протокол по поводу всего обнаруженного».

Памятник Апраксиным стоял снаружи у алтаря. В 1926 году во время своего приезда в Нарышкино его видели братья Леонтьевы. Он выглядел так: «Памятник чугунный в виде гробницы. На восточной грани на медной доске размером 0,28 X 0,55 м надпись: «Камергер граф Александр Петрович Апраксин и графиня Варвара Николаевна Апраксина, скончались 1845 года апреля 12 дня». Размеры памятника: высота – 0,97 м, ширина – 0,66 м, длина – 1,40 м. Западная грань памятника обработана так же, как и восточная, но вместо медной доски в такой же, как и в восточной раме, чугунный же орнамент (вся вообще орнаментация памятника чугунная), состоящий из головы херувима с крыльями в центре, за которой скрещиваются два опрокинутых факела, перевитые виноградной листвой». В орнаменте в центре южной грани – евангелие, окруженное сиянием; за ними перекрещиваются якорь и крест. В северной грани фигура ангела в рост, облокотившегося правой рукой на

урну, стоящую на пьедестале. Орнаментация по всему памятнику, по сравнению с виденными нами другими чугунными памятниками, сделана не слишком грубо, а местами и хорошо».

В 1935 году Ахтырская церковь – громада, по словам Леонтьевых, «в которой все плохо, кроме окраски (темно-красная с белым)» – была разрушена властью, несмотря на протесты крестьян, и тела Апраксиных навсегда остались под ее руинами.

Что касается монумента на месте гибели Апраксиных, то не известно, был ли он возведен. Если же и был возведен, то находился он на месте так называемого Макаровского дома – бывшей местной больницы. Это здание построил тамбовский купец Емельян Плотицын. Он приобрел во второй половине XIX века нарышкинское имение у графа Григория Кушелева-Безбородко, правнука Алексея Разумовского, мужа Елизаветы Петровны и родного брата Кирилла Разумовского, который был дедом Апраксина. В начале XX века владельцем дома и имения стал купец Григорий Макаров, отсюда и оставшееся в народе название дома. Сам Макаровский дом стоит на месте сгоревшего дома графа.

...По просьбе Васильчикова зимой 1845 года Адриан Михайлович отправил Дмитрию Куликовскому, отцу графини Апраксиной, найденные на пепелище ее личные вещи, в том числе венчальное кольцо. И еще одна небезыңтересная деталь. В июне, полтора месяца спустя после гибели супругов, из херсонского имения Варвары Дмитриевны в Нарышкино прибыли крестьяне, которых она приказала сюда перевести. Крестьян отправили обратно. Апраксины хотели обосноваться в Нарышкино на-долго, но судьба распорядилась иначе.

НАЧАЛО ПЕНЗЕНСКОЙ АВИАЦИИ

Игорь ШИШКИН

shyshkin-is@yandex.ru

Лётный и технический состав Пензенской школы гражданской авиации, конец 1920-х гг.

Фотографии из архива Игоря Шишкина

Первым самолётом, пролетевшим в 1911 году над Пензой, был самолёт системы Брелио, управлял им лётчик А. Васильев. Но уже через несколько лет в годы Первой мировой войны пензяки наблюдали полёты «своего» Алексея Яковлева, архитектора Пензенского Народного дома. А сразу после окончания Гражданской войны, в 1923 году, в Пензе энтузиастами

трубочного завода (позднее – вело-завод) был организован авиатехнический кружок. Занятие авиамоделированием естественным образом повлекло кружковцев к полётам в небо. Уже через три года, в 1926 году кружок был преобразован в планерную школу, которая почти сразу же получила статус Аэроклуба завода им. Фрунзе. Подобные процессы ос-

воения неба происходили не только в нашей Пензе. В эти годы во многих крупных (и не только) городах страны аэроклубы росли как грибы.

30 декабря 1924 года во Дворце Труда (ныне – здание Законодательного собрания Пензенской области) прошёл II Губернский съезд Общества друзей Воздушного флота (ОДВФ). Делегатами съезда стали

Инструкторы Пензенской школы гражданской авиации в редакции газеты «Трудовая правда» (ныне «Пензенская правда»), конец 1920-х гг.

представители десятков пензенских учебных заведений, организаций и промышленных предприятий. Съезд кинул клич на всю губернию: «Даёшь мотор! Овладеем авиакультурой».

В начале 1927 года в СССР было создано Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству (сокращённо ОСОАВИАХИМ) – советская общественно-политическая оборонная организация, в 1948 году преобразованная в ДОСААФ (Добровольное Общество Содействия Армии, Aviации и Флоту).

ОСОАВИАХИМ развернул широкую авиационную пропаганду. Стране, находившейся во враждебном окружении, нужен был свой Воздушный флот, нужны были лётные кадры. Девизами молодежи того стали лозунги «Комсомолец, на самолет!» и «От модели - к планеру, от планера - на самолет!». И молодёжь откликнулась на призывы во всех уголках СССР, в том числе и в Пензе. Но в Пензе развитие авиации получило особый импульс.

В 1927 по авиационным видам спорта и распространению авиационных знаний, которыми занимался аэроклуб, Пензенская организация ОСОАВИАХИМа заняла первое место в Центральном Совете ОСОАВИАХИМа.

Возможно, это явилось основной причиной того, что уже 1 июля 1928 г. инструктор Управления Гражданского Воздушного Флота Носов объявил об открытии в Пензе первой в СССР Школы гражданской авиации. Уже на следующий день начались занятия курсантов первого набора в количестве 24 человек. На обучение

в лётную школу зачислялись только лица, которые имели партийную или комсомольскую принадлежность. Данные кандидатуры утверждались непосредственно комитетом ВКП(б) Пензенской области, курсантам значилось денежное содержание.

Шефом Пензенской школы гражданской авиации стала Борисоглебская военная школа летчиков из Воронежской области, приславшая в Пензу лётчиков-инструкторов и первые самолёты. На должность первого инструктора был назначен Боровков, старшего авиамеханика – Дорошок, старшего авиатехника – В.В. Головещенко. Начальником школы был С.М. Степанов.

Разместилась Первая школа летчиков ГВФ на окраине города за железнодорожной станцией (ныне Пенза-III), в посёлке Свободном, который ранее назывался Манчжурией, в помещении, бесплатно предоставленном Пензенским горсоветом.

Для лётной школы был обустроен аэродром размером 800х800 м. Изначально это было лётное поле для проведения учебно-практических занятий на базе школы. Для обучения курсантов использовали самолёты У-1, для которых был построен полукапитальный ангар на 4 самолёта и бензохранилище на 600 пудов. Кроме того, авиашкола имела мастерскую для мелкого ремонта самолётов и моторов на аэродроме и 3 оборудованных класса (по теории и технике полётов, моторный и самолётный).

Справедливости ради надо отметить, что и программа обучения и режим функционирования Школы

Пензенская листовка Осоавиахима, 1930-е гг.

гражданской авиации и её аэродрома разрабатывались и утверждались непосредственно РККА, так как это были режимные объекты, на которых был введён режим секретности. И выпускники Пензенской школы гражданской авиации, а затем и Пензенского аэроклуба, неплохо зарекомендовали себя не только в гражданской авиации и освоении небесного пространства (Валентина Гризодубова, Илья Усыскин и др.), но и в дальневосточных военных конфликтах и в небе Испании (конец 1930-х гг.), а также в Великой Отечественной войне. Более десяти Героев Советского Союза начинали свой путь в небо с пензенской земли. Среди них – В.Д. Борисов, Н.В. Баланов, А.С. Сенаторов, Н.С. Павлушкин и др.

В 1930 году Пензенская школа гражданской авиации была переведена в Ульяновск, а на её базе был организован Пензенский аэроклуб, который успешно действовал и выпустил немало отличных пилотов, планеристов и парашютистов.

В том же 1930 году Всероссийское общество «Добролёт» открыл за станцией Пенза-III Пензенский аэропорт московских воздушных линий, используя существующее лётное поле. Было построено деревянное здание первого Пензенского аэропорта. Первую посадку в аэропорту совершил пилот Бабушкин с бортмехаником Роговым на самолёте К-4 во время перелёта по авиалинии Москва-Ташкент. А с 5 мая 1934 года через Пензу начались регулярные почтовые рейсы по линии Москва-Саратов и Москва-Куйбышев. Развитие авиации и

Ученик-лётчик Валентина Степановна Гризодубова, 1930 г.

аэроклуба вызвали необходимость создания нового аэропорта с большей территорией.

Кроме того, лётное поле постоянно подтапливалось водой в сильный паводок и даже во время сильных продолжительных дождей.

В августе 1934 года в селе Терновке был открыт новый аэропорт, однако ещё пару лет действовал и старый. Аэропорт в Терновке работал только в дневное время, движение самолетов было редким. Штат составляли всего 20 человек, включая авиатехников, связистов и др. В аэропорту не было промышленной электроэнергии и полёты проводились только в дневное время и при хорошей погоде.

Начиная с 1930 года до самой войны лётное поле Пензенского аэроклуба периодически использовалось для дислокации военных самолетов Красной Армии. На время их дислокации выставлялась охрана техники, а сами самолёты во время их нахождения в Пензе старались максимально использовать в учебном процессе.

В 1941 клуб был закрыт, вся его техника переведена вместе с курсантами в Оренбургское училище военных лётчиков.

При подготовке материала использованы следующие источники:

1. Школа гражданской авиации в Пензе. – «Волжская Коммуна» (г. Куйбышев), 28.09.1928.
2. Степанов. Два года Пензенской лётной школы. – «Самолёт», № 8–9, 1930.
3. Верстунин Е.С. Пензенская оборонная организация. Предвоенные и военные годы. – Пенза, 1986.
4. Корнеев С.П. Занимательная энциклопедия Пензенского края. Вып. 1. – Пенза, 2003.
5. Пензенская энциклопедия в 2-х кн. – Пенза, 2019.

Неудачное приземление, 1930-е гг.

Наставление инструктора, 1930-е гг.

Первая пензенская аэростанция, 1930 г.

Третий (1930) и Пятый (1931) выпуски Пензенской школы гражданской авиации.

Летчики-инструкторы, нач. 1930-х гг.

Инструктор авиаклуба Серафим Тихонович Бакланов, 1935 г.

Технический день. Осмотр самолётов, 1935 г.

Курсант Пензенского аэроклуба, сер. 1930-х гг.

Будни Пензенского авиаотряда, 1930-е гг.

Будни Пензенского авиаотряда,
1930-е гг.

Вид на центр города с учебного аэроплана, нач. 1930-х гг. Первая известная фотосъёмка Пензы с высоты птичьего полёта.

Курсант аэроклуба Андрей Чухонцев, 1941 г.

Построение курсантов аэроклуба перед полётами.
Слева – Василий Агеев, командир авиаотряда. 1935 г.

Разбор полётов, конец 1930-х гг.

НЕГОЖЕ ПЕНЗЕ БЫТЬ БЕЗ ЦАРЯ

Портрет царя Алексея Михайловича.
Неизвестный русский художник второй половины XVII века.

КТО И ПОЧЕМУ НЕ ХОЧЕТ СТАВИТЬ ПАМЯТНИК ЦАРЮ АЛЕКСЕЮ МИХАЙЛОВИЧУ

Олег АНТОНОВ

пензенский краевед

Неординарное и знаковое событие в жизни России произошло 5 июня сего года. В Гатчине, при участии Президента, состоялось торжественное открытие памятника Царю-мировотворцу Александру III.

На церемонии открытия глава государства сказал: «... Сегодня мы точно можем сказать, что эпоха Александра III дает нам пример естественного, гармоничного сочетания масштабных преобразований и верности национальным традициям и культуре, своим самобытным истокам. Хочу подчеркнуть, и сегодня – в бурном, динамичном XXI веке, нам важно сохранять историческое, культурное, духовное наследие России. Ценности, которые объединяют наш народ ...»

Пусть памятник, который мы открываем, станет еще одним символом восстановления преемственности времен и поколений. Потому что идти вперед, уверенно развиваться, достигать новых вершин можно, только опираясь на уважение к своему прошлому, к своим выдающимся предкам, которые верно служили нашему народу и России».

Таким образом, на высшем государственном уровне, Президент поддержал и как бы благословил то мощное, идущее «снизу» движение, свидетелями которого мы являемся.

Напомним, что в последние годы в разных городах появились десятки памятников тем Государям, что создавали и укрепляли нашу Державу. Памятники эти, чаще всего, были поставлены стараниями культурно-исторических обществ и подвижников-одиночек. И, почти всегда, с преодолением чиновничьей косности и инерции. Из недавно открытых можно вспомнить памятники Ивану Грозному в Орле

и Чебоксарах; Екатерине Великой – в Богородицке, Вышнем Волочке и Краснодаре; Николаю I в Волгограде, Ставрополе и Саратове; Александру II в Гдове, Ельце и Веневе...

Невольно думается: не пришло ли время изменить, исправить то неловкое положение, в котором оказалась Пенза?

Напомним, что одиннадцать лет назад, к 350-летию нашего города, было решено, что Пенза станет первым городом, где будет воздвигнут памятник Царю-основателю Алексею Михайловичу (см. «Комсомольскую правду» от 22.10. 2010). В 2010 году в Пензе был объявлен конкурс на создание памятника. Почти год в средствах массовой информации широко обсуждались представленные на конкурс проекты! Художниками, специалистами, горожанами была проделана огромная работа! Позднее был выбран победитель, определено место установки и начался сбор средств на создание монумента.

Неожиданно мэр города Р.Чернов объявил, что «к юбилею города мы не успеваем и потому, спешить с таким важным делом не будем, а средства пустим на постройку столь нужных городу фонтанов». В итоге: и фонтаны построить «не успели», и дело с памятником было «отложено до лучших времен» и спущено на тормозах. Увы, нас опередили: в последние годы памятники царю-основателю Алексею Михайловичу открыты в Новом Осколе и городке Ровеньки Белгородской области, а памятные знаки – в некоторых других местах.

Вспомним, что сама идея этого памятника появилась еще в далеком 1916 году! Тогда Городская Дума решила увековечить в бронзе Царя-основателя города. Война отложила этот проект «до мирных времен». Тогда нужнее оказались пресловутые «снаряды для фронта»...

А между тем, такой памятник сейчас, как никогда, был бы актуален. Сегодня, когда происходит конфронтация со всем западным миром, с появлением врага в лице Украины, создание такого памятника, как ничто другое, способствовало бы поднятию патриотизма, о котором говорит Президент. Кстати, именно к Алексею Михайловичу на Переяславской Раде обратился Богдан Хмельницкий с прошением

принять его и все Запорожское войско под высокую царскую руку...

Думается, чем дальше, тем более фигура Алексея Михайловича будет выходить из тени его великого сына Петра, и этот Государь займет достойное место среди величайших создателей русской Державы. Именно он, взойдя на трон Московии, оставил нам Великую Россию, раскинувшуюся от Днепра до Великого океана!

И, наконец, возведение памятника прекратит тот поток спекуляций, что подменяет и искажает нашу историю.

Ярким примером является та недавняя кампания, что развернули некоторые деятели культуры по прославлению неких «отцов-основателей Пензы, городских воевод Котранского, Лачинова и Зумеровского». Не Царь, своим Указом повелевший заложить здесь город-крепость, а присланные им «строители» объявляются «основателями города». Эти имена В. Самсонов призвал «запечатлеть золотыми буквами на постаменте памятника Первопоселенцу», а К. Застрожный предложил увековечить их «конной бронзовой группой у Спасского собора» (причем, служилого Осипа Зумеровского в воеводы «произвел» добрейший А.В.Тюстин в своей книге «Губернский город Пенза на рубеже веков» (2001г.)

Другой пример – памятник «Казак-основателям Пензы», который планируется возвести в ЦПКиО им. Белинского. Макет самого памятника представил скульптор А. Хачатрян. Опять получается то же: Пензу основали казачьи атаманы, воеводы, служилые люди... кто угодно, только не Царь, приказы которого они всего лишь выполняли.

Об иных, не менее курьезных проектах, и говорить не хочется. («Пензу основали буртасы» (В. Бочкарев); «Бежавшие от гнета язычники Древней Руси» (Б. Алпысбаев); «Основала армянская бригада» (председатель армянской общины Пензы))...

Будем надеяться, что вся эта вакханалия нелепых проектов прекратится, а действительно нужный памятник украсит город.

Основанием для таких надежд являются действия нового губернатора О. Мельниченко, который прекратил вырубку лип на улице Мо-

Памятник царю Алексею Михайловичу в поселке Ровеньки...

... и в Новом Осколе (Белгородская обл.)

сковской и сохранил для горожан не только прекрасные многолетние деревья, но и исторически сложившийся облик этой старинной улицы.

Конечно, сохранение памятников истории и культуры и создание памятников новых – вещи разные. Но только на первый взгляд. Ведь это две стороны одной медали.

АЛЬБОМ АЛЕКСАНДРА НАЗАРОВА «МОИ ДРУЗЬЯ – АКТЁРЫ»

Александр Назаров за последние два года подготовил и выпустил около двух десятков альбомов со своими фотографиями. В них – тысячи фотографий Пензы и Пензенского края, людей и событий. Это хороший подарок тем, кто интересуется историей своей малой родины. Сегодня мы представляем один из таких альбомов.

С творчеством Александра Назарова я был знаком хоть и давно, но односторонне.

В основном, по его снимкам Пензы, а потом и области конца прошлого века. И вот тут-то, лет тридцать назад, в нашем театре произошла замена традиционной для всех театров стенки с портретами служащих актёров. Если скажу, что для многих новые фотографии стали неким шок-ом, то нисколько не погрешу против истины. Мы же все привыкли к обычным фотопортретам, запечатлевшим человека временным срезом. Всё одинаково, не хватает только уголка, как на паспорте. Вот такие же фотографии, конечно, более разукрашенные да яркие, висят и сегодня в фойе драмтеатра. И подходят к ним, чтобы узнать фамилию того или другого актёра, которого только что видели на сцене. А вот тогда, даже бывая в театре довольно часто (к чему располагали спектакли, да и концертная площадка в городе такая была одна), мы обязательно поднимались на второй этаж.

И медленно (!), переводя взгляд от одной фотографии к другой, двигались вдоль стены. Переступали осторожно, чтобы не наткнуться на других, проделывающих то же самое.

Я знал всех актёров, видел все их спектакли, со многими был знаком, но, тем не менее, мне было очень интересно разглядывать эти фотографии вновь и вновь. Ибо я как бы наблюдал каждого актёра в сцене из незнакомого мне мини-спектакля, где режиссёром был Александр Назаров. Ничего подобного я не видел более ни в одном из театров нашей страны. И ещё, один штрих о его театральных снимках. Когда мне довелось работать над альбомом по истории нашего театра, пришлось перелопатить около 120 тыс. снимков разных фотографов со сценами из спектаклей. Так вот была такая

проблема: из нескольких десятков и даже сотен фотографий из одного спектакля сложно было выбрать одну-две, которые могли бы передать атмосферу, дух того действия, наконец, мои чувства и сохранившиеся впечатления. А, когда дошёл до фотографий спектаклей периода работы Александра Назарова в театре, проблема стала другой: выбрать из двух-трёх, полностью удовлетворяющих моим запросам, всего одну, когда хотелось бы взять все.

Впрочем, что много говорить. Берите в руки альбом, листайте – и всё увидите сами.

Игорь Шишкин

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита». 1995 г.

Ф. Достоевский. «Дядюшкин сон». 2005 г.

М. Гиндин, В. Синакевич. «Зверь». 1997 г.

В. Шекспир. «Укрощение строптивой». 1988 г.

◀ Евгений Бакалов,
заслуженный артист России.

Виктор Огарёв, заслуженный деятель искусств России. Художественный руководитель Пензенского областного драматического театра им. В.А. Луначарского в 1991–2001 годы и в июне–сентябре 2010 года.

В 1996 году мы с Валерием Романовичем обменялись подарками. Я ему портрет — а он — свою фуражку только что, привезенную из Нью-Йорка. В этом альбоме только часть его постановок в нашем театре. Пензенский драматический театр в 1988 году стал для Беляковича первым иногородним театром, где он поставил спектакль в качестве приглашенного режисёра («Мирандолина» К. Гольдони). В последующие годы он осуществил на пензенской сцене девять постановок, и каждая из них стала событием в театральной жизни Пензы:

дважды «Ромео и Джульетта» (В. Шекспир),
«Дракон» (Е. Шварц),
«Мастер и Маргарита» (М. Булгаков),
«Сон в летнюю ночь» (В. Шекспир),
«Укрощение строптивой» (В. Шекспир),
«На дне» (М. Горький),
«Ревизор» (Н. Гоголь),
«Куклы» (В. Белякович).

Людмила Лозицкая,
народная
артистка России.
Т. Уайлдер.
«Долли». 1994 г.

Александр Нехороших,
заслуженный
артист России.
В. Войнович.
«Лицо неприкосновенное».
1990 г.

Мария Тамбулатова,
народная
артистка России.
А. Цагарели.
«Тифлиские свадьбы».
2000 г.

Анатолий
Гуляев,
режисер

Евгений Панов, заслуженный артист Пензенской области

Наталья Старовойт, заслуженная артистка России.

◀ Галина Репная, народная артистка России.
И. Тургенев. «Нахлебник». 2019 г.

Генрих Вавилов, заслуженный артист России.
Ф. Достоевский. «Дядюшкин сон». 2005 г.

Олег Зеленченко, заслуженный артист России.

Тамара Марсова, заслуженная артистка России.
Л. Разумовская. «Живите... Господь с вами!». 1989 г.

◀ Василий Конопатин, заслуженный артист России.
Жан-Батист Мольер. «Плутни Скапена». 2011 г.

Альбина Смелова,
заслуженная
артистка России.

Сергей Казаков,
заслуженный
артист России.

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ УШЕДШЕМ ПРИМЕТЫ ВРЕМЕНИ

Продолжение. Начало №2 (12) 2019, №3 (13) 2019, №4 (14) 2019, №2 (16) 2020, №3 (17) 2020, №2 (20) 2021, №3 (21) 2021

ЧАСТЬ VIII

Беседа состоялась в деревне Толузаковка Пензенского района. 6 августа 2013 года.

Записал и обработал А.С. Крылов

Фото из семейного архива В.Ф. Буйлова

Буйлов: ... А сейчас вот по «Эху Москвы» говорят, что мы, русские, сами себя пьяницами признали, и Нарочницкая пишет о том же. А теперь, что я думаю по этому поводу: все это грязная ложь! Я 10 лет работал директором совхоза в Ардыме. В совхозе было 600 человек. Да, трое имели обыкновение, как только уборка – поддаться. Я их уволил. И вот 600 человек, из них порядка 200 механизаторов. Так они не шли на работу, они бежали! Если этим ребятам с «Эха Москвы» рассказать – не поверят. Они скажут – это все пропаганда красных

директоров. Там есть такая сволочь, Евгения, как ее...

Крылов: Альбац – с@ка конкретная.

Буйлов: Она говорит, Грузия была колонией Советского Союза.

Крылов: Грузинская ССР из расчета на душу населения была самой высокотируемой республикой в Союзе, следом шли Армения и Эстония. По сравнению с ними «русские» области получали дотаций примерно в четыре раза меньше. Население многих братских республик в материальном отношении жило несравнимо лучше, чем население

РСФСР, не говоря уже о партийном и хозяйственном руководстве. Во многих республиках после окончания рабочего дня все заводы, фабрики, вообще, производственные предприятия работали во вторую смену уже на местное руководство. В Грузии, например, доходы местной «элиты» в советское время, по моим наблюдениям, значительно превышали доходы зажиточных западных буржуа. Единственной проблемой было потратить свои баснословные доходы. Открыто сделать этого было нельзя. Вот и покупали те же грузины «Волги» ГАЗ-21 чуть не в три

цены. Благо, денег было, как говорится, куры не клюют. Ведь теневой оборот денежных средств в стране был просто гигантским. Отсюда и пошло «крышевание» цеховиков за регулярно взимаемую с них дань, берущее начало в Кутаиси. В период перестройки именно грузинские воры в законе, имея богатый опыт по этой части, быстро ввели эту практику по всей России.

Буйлов: Мне нравился один анекдот. Сидят армянин и грузин, армянин рубль уронил и никак не найдёт, потому как темно. А грузин зажег «десятку» и посветил... И они еще говорят о какой-то колонии!

Тайна происхождения Л.Б. Ермина

Крылов: В прошлый раз мы условились поговорить об одном событии, связанном с Львом Борисовичем Ерминым. Что это за событие?

Буйлов: Да, да, давайте я расскажу. Ну, Лев Борисович Ермин, первый секретарь областного комитета партии, он у меня на фотографии, кстати, здесь и Кулаков Ф.Д., и Дорошенко В.К.

Крылов: Кулаков в центре?

Буйлов: Да, он был очень крупной фигурой – секретарь ЦК, член Политбюро, ведал сельским хозяйством. Когда умер, захоронили в кремлёвской стене, как наиболее видных партийных деятелей. А в молодые годы Кулаков был направлен после окончания Тимирязевской академии в Пензенскую область, в Земетчино. И работал он там, всего-навсего, управляющим отделением.

Крылов: «Круто», после академии-то.

Буйлов: Это как посмотреть. Дело-то ведь не в месте, а в человеке. Иного на трон посади, так он и оттуда свалится, а другой с низов так поднимется, что ахнуть не успеешь. Вот и Кулаков – у него карьера очень быстро в гору пошла. Я, может быть, немножечко не по хронологии рассказывать буду. С 1950 по 1955 г. Кулаков был Председателем Пензенского Облисполкома, потом, с 1960 по 1964 г. – Первым секретарём Ставропольского крайкома КПСС. Оттуда его взяли министром заготовок (тогда Хрущёв образовал такое

Министерство). Потом – секретарь ЦК КПСС; где-то он ещё работал по Московской области немножко. А когда он, спустя десятилетия приехал в Пензу, то со своим сыном, полковником, поехал в Земетчино. Лев Борисович, разумеется, с ними поехал. Ф.Д. Кулаков сыну показывал, где, в какой деревне он работал, вспоминал прошлое. Они приехали в ту самую деревню, встретил их бригадир, который работал еще тогда и помнил Ф.Д. Кулакова. Вспоминали то время, разные забавные случаи, как, например, они заходили в склад и ели горстями капусту, потому что годы-то были такие...

Но вернемся к Ермину.

Я Вам уже не раз говорил, но напомню еще – было Постановление ЦК, очень мощное, по специализации, агропромышленной интеграции в сельском хозяйстве, и Федор Давыдович Кулаков являлся автором проекта этого Постановления ЦК, Совмина, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Льва Борисовича Ермина уже нет, а тут меня ищет одна женщина. Она, как я понял, хотела что-то рассказать касаясь Льва Борисовича, но только человеку, который работал с Ерминым и достаточно хорошо его знал. И ей, видимо, указали на меня. Мол, вот он долго работал «под Львом Борисовичем». Говорить – с Львом Борисовичем – слишком громко, а под Львом Борисовичем... будет правильной.

И она рассказала, что Лев Борисович, оказывается, уроженец Пензенской области. Насколько эта версия имеет под собой основание, я утверждать не могу, но она имеет место быть. Эта женщина оказалась дальней родственницей его матери. А дело в том, что отец его был еврей и женился на русской, а годы-то были совсем не толерантные, не то, что сейчас. И жена родня зятя не восприняла никак. До такой степени, что поставили ей условие уехать из деревни – хоть с ним, хоть одна. Потому что сразу же начались разные трения. Например, Рождество, а он в церковь не идёт; или Пасха, а у него своя Пасха. И до такого градуса накалилась обстановка, что не выдержала женщина, развелась с мужем-иноверцем, едва выпившись из роддома. Звали эту женщину Домна. А деревня, где всё якобы происходило, называлась Любятино, что недалеко от Загоскино.

И родила она двойню. Мальчика назвали Лёвой, а девочку уже не помню как. Отец забрал Леву, уехал вместе с ним на Дон и там женился. А девочка осталась с матерью. Говорят, расстались они лютыми врагами. Лева рос, считая мачеху матерью.

Я поинтересовался, знал ли сам Лев Борисович свою историю? Насколько я помню, женщина, поведавшая мне тайны биографии Ермина, ответила, что, скорее всего, не знал. Понимаете, какая штука? Я нашёл водителя, здесь рядом со мной живёт, который все 20 лет возил Льва Борисовича, и задал ему вопрос:

– Виктор, родители Льва Борисовича за те 20 лет, что он руководил областью, хоть раз бывали в Пензе?

– Ни разу.

– А ты что-нибудь знаешь из этой истории?

– Ничего. Мы несколько раз ездили на Дон, в гости к его родителям. Вот и все.

А мне ещё Алексей Николаевич Власов – зампред облисполкома – говорил, что отец у Льва Борисовича казак, а мать – гречанка. Однако незадолго до смерти он говорил Виктору Степановичу Бураку – заведующему сектором обкома партии – (мы жили в одном доме): «Доживать век поеду в Пензу, я Москву не люблю, из Москвы уеду».

На вопрос Виктора Степановича, почему в Пензу, он отвечал, что на Дону у него никого нет...

Дети войны: обязанности и становление

Буйлов: Давайте я расскажу Вам, как всякий нормальный человек – а я себя к ним отношу – немножко о своих родителях.

Это поколение, которое тяжелейшую жизнь прожило. Война, а мы – дети войны. Я уже рассказывал, как строился наш быт, как поселили к нам беженцев. Тогда их так не называли. Такого слова не было, тогда их называли эвакуированными. И мама уходила рано, приходила в 10 часов вечера, со вторым гудком: спиртзавод издавал первый гудок в 9 часов, а потом второй 10 часов, а я в это время топил голландку. Какое электричество, керосина – и того не было! И вот представьте: мне, мальцу,

три-четыре года от роду, и я самостоятельно топлю голландку. Дома никого нет. Если кто-то заходит, сразу спрашиваю: «Кто зашел?» И тут же добавляю: «Мамы дома нет!».

Конечно, я не мог помнить папку, мне было всего два годика, когда он ушел на фронт, и вот мама как-то сама управлялась со всем хозяйством и со мной – огольцом. У нас в доме жили эвакуированные из Бобруйска дядя Моисей и тетя Сара. Хорошие были люди. Когда Бобруйск освободили, и они засобирались на родину, мама плакала, расставаясь с ними. Она умоляла их остаться, но они решили вернуться. Пришедший с фронта папа уже не застал дядю Моисея и тетю Сару. Такая трогательная вся эта история...

Да... топить голландку – это была моя первая серьезная обязанность. А зимой, когда мамка шла полоскать белье в проруби, везя за собой по визжащему снегу салазки, я нес охапку соломки, чтобы подстелить ей под колени – ведь лед холодный... Это была вторая моя обязанность. Потом-то, конечно, обязанностей прибавлялось и прибавлялось, так что я давно со счета сбился, но эти, первые, детские, до сих пор помню.

А вот третья обязанность была такой. Корова у нас отелилась зимой, и надо было её доить – трижды за ночь, каждые полтора часа. А на дворе метель завывает, так метет, что в метре от себя ничего не видно. Да еще дезертиры, которые тогда шастали вокруг села в поисках продовольствия. Что это были за люди? Никто не знал, но все боялись. Одного из них арестовала милиция.

Так вот, моя задача была – нести фонарь. Представляете, четырехлетний карапуз идет, увязая в снегу, к коровнику, в руках у него горящий фонарь. Мамке свечу, у нее подойник. Это я, уже повзрослев, сообразил, что, может, не столько маме нужна была моя помощь – она просто боялась. А вдвоем, пусть даже с четырехлетним мальчуганом, все-равно, не так страшно.

Да и было чего бояться. Однажды среди ночи к нам кто-то стал лезть в окно. Мамка проснулась, закричала: «Берите, что хотите, только не троньте детей!». И тот, кто лез в окно, захлопнул створки окна и ушел. После этого случая мама стала бояться жутко. И не только она.

Федор Андреевич Буйлов

А что касается обязанностей – мы ведь были сельские ребяташки, мы без дела не сидели; с возрастом делались сложнее и обязанности. Папка наколет дров, их надо сложить, потом я подрос, мне надо уже с ним на пару пилить, а потом ещё подрос, тогда мне уже надо колоть. Он скажет, вот что мы с тобой напилили, ты до вечера переколи. А кто ж на речку побежит? Ну, мамка тут защищала всегда. Попадало ли от отца? Он меня никогда пальцем не тронул. Я и сейчас противник физического наказания детей. Противник до глубины души. Я только старшему сыну Андрюшке единственный раз в жизни дал подзатыльник, так потом, правда, сам же и наплакался. Я не могу этого делать. И не выношу, когда люди это делают. Но папку боялся, конечно. Хотя, наверное, не боялся – уважал. Папка скажет – всё. Скажет строго.

Потом – ездили за сеном, я с родителями, а моя задача вот в чем заключалась: копёшку мамка отцу подаёт, он там навивает на машину и на валок, потом следующие копёшки, а я, то что осталось, граблями должен сгрудить быстренько, а мамка берёт остатки и – туда. Поехали к следующей кучке, она вилами подаёт, а я с граблями стою, жду, когда она закончит подавать, передохнёт минут-другую, а я этим временем маленькую кучку из потерь сделаю, чтобы её туда. Это уж мне лет семь-восемь было. А вот косить, я с папкой не косил. Как-то одно лето попробовал, но там выпускные экзамены в школе, выбор жизненного пути...

Я ведь, как вот говорил, что было у меня огромное желание стать офицером. Куда оно делось, на каком этапе нашего развития любовь к армии куда-то исчезла? Как это всё получилось?

Отец прошёл всю войну. Он не раз рассказывал, что ни разу за четыре фронтовых года не ночевал в каком-то доме. Всё время то отступали, то наступали. Для меня армейская служба всегда была священной обязанностью. Перед советской армией я испытывал благоговение. Доходило до того, что если кто-нибудь пренебрежительно отзовется об армии или о том, что с ней связано, – это уже враг. Мужик должен сходить в армию. Так считал мой отец и мне завещал, это однозначно. И я его завещание выполнил. Он мне сказал как-то про моих сыновей и его внуков – не уведи от армии! Моя задача только заключалась в том, чтобы увести их от Афганистана, война в котором как-раз шла в те годы, когда они призывались.

Вот Афганистан мне надо было обойти. И я его обошёл очень просто. Андрея брали с первого курса, и когда капитан с эмблемой органов госбезопасности в военкомате настойчиво попросил меня написать свою характеристику, я почувал недоброе. А я ещё как-то Маше говорил, что в случае чего, вместо Андрея пойду в Афганистан, я им, дуракам, там наслужу! Тогда мы все считали, что это идиотизм наших стариков из Политбюро.

Я этого капитана прямо спросил: «Афганистан?» Он ответил: «Нет, Кремлёвский полк».

Младший – Сергей – в отличие от Андрея, бредил военным училищем. Собирался в училище Верховного совета, в кремлёвские курсанты. Настроился туда, а потом как-то в одночасье и говорит, нет, поближе к дому, пойду в артучилище. Я подумал, два года он проучится, а там пусть идёт куда хочет, ему засчитают армию. И не только я так рассуждал. Он два года проучился и говорит, я пойду в Политехнический. Говорю – иди. Пришёл сентябрь. Серёж, идёшь в Политехнический? Нет, пап, раз уж я решил, буду заканчивать артучилище. Закончил его как раз в тот год, когда начали плевать в армию. 1991 год. Начинались лихие 90-е.

Мой родитель был, вообще, очень добросовестным человеком, его в селе называли не иначе как Фёдор Андреевич, хотя он был простым шофёром, но вот к нему это как-то приклеилось. Мамка – труженица. Папка, как только пришёл с фронта, ей говорит, теперь давай по дому. А что значит по дому? Ну, значит, хозяйством заниматься. Уток развели, там у нас барды полно; корову (мы её и не продавали), а если есть корова, есть и телёнок, а где корова и телёнок, там и поросёнок. Молоко сепарируют, и куда? Поросёнку. А потом, уже где-то в 60-х, можно было держать и двух поросят. Одного зарежут и продадут мясом на рынке, и купят мне к школе всё, что положено, а второго на внутреннее потребление. У бабушки моей было

детей много, но много и умерли, в живых остались до старости шесть человек. Три дочери, три сына, и только дядя Боря умер в 1931 году, он еще на Первой мировой воевал, попал в плен, был в немецком лагере для военнопленных. Я-то дядю Борю не помню, а папка мне много о нем рассказывал.

Кстати, на мне династия Буйловых могла бы и закончиться, потому что я оставался в роду один парень. Но слава Богу – он мне подарил Марию Васильевну, а она решила продлить мой род сыночками. Теперь их обязанность – о продлении рода заботиться. Да, я всю жизнь работал, по-другому я не умел никогда, потому что с малых лет приучен. Вы можете спросить – выпивал ли я? Конечно, выпивал, и сейчас могу выпить. Но если Вы спросите, например, Марию Васильевну, она скажет – да, ладно, он и не пил. Со стороны-то, может, оно и виднее. Но, как не пил? Пил, конечно, просто разум не пропивал, да и не был никогда большим любителем этого дела. Многие из моих одногруппников-товарищей в 30–40 лет поуходили. В чём тут дело?

Крылов: Это очень важный вопрос.

Буйлов: Может быть, здесь и гены играют роль, пьяниц у нас в роду отродясь не бывало. Но кроме этого еще и осознание ответственности. При моей-то должности поводов напиться было море. Ну вот, допустим, за 10 лет было 1200 делегаций. Все делегации, понятное дело, заканчивались ужином. А раз ужин,

значит, и коньяк и все остальное. Вы представляете, что со мной было бы, если бы я с каждой делегацией пил? Да меня бы уж не было давно! Вот, скажем, поездка в Болгарию. Ну, как я там напьюсь? Ведь за граница, какая-никакая. Тем более, поездка в Германию – капстрану. Вот так жизнь и прошла! (Смеется).

А сейчас самое время выпивать – так ведь не хочется! Ну что ты будешь делать! Вот ведь какая штука-то! Тут сестры Марии Васильевны приехали, привезли бутылку водки, аж литровую. Я на неё смотрю и думаю: вот дачу продали, в Пензу переедем, и первое, с чего я начну – буду осваивать пьянку. Потому что трезвому в Пензе жить невозможно в четырёх этих комнатах. Понимаете? Но не хочу, и все тут. Хоть плачь. Да, уж если тогда, по молодости не начал, то уж теперь и вовсе не стоит.

Но, правда, есть у меня отрада для души – рыбалка. Вот теперь думаю, что пересилит (смеется). Это ж все гены: дед ни грамма, бабушки ни грамма, и еще привязанность к работе. Как же мы к ней были привязаны!!!

Крылов: А дед не рассказывал, или бабушки, действительно, на Руси в то время много пьяниц было?

Буйлов: Пьяниц? Вот бабушка моя рассказывала, какие были пьяницы. Одна ее фраза скажет Вам о многом. Но прежде я хочу привести авторитетное мнение по этому вопросу Александра Николаевича Энгельгардта, которое он сообщает в известной своей книге «Письма из деревни». Мнение потому авторитетное, что Александр Николаевич был, вообще, военным химиком, профессором, а потом уж литератором. У него имение было в Татищеве Смоленской губернии. И вот, он, хоть и был ученым-химиком, но литературное поприще его очень привлекало, тем более, что талантом он был не обделен. Он сотрудничал с журналом «Современник», который тогда редактировал знаменитый на всю Россию Н.А. Некрасов. Так вот, Некрасов наказывал Энгельгардту, когда тот в свое имение собирался, не бросать литературных занятий и продолжать писать им в журнал из деревни. Вот так и родились «Письма из деревни», в которых Энгельгардт, исходя из личных наблюдений за крестьянами, категорически

Семья Буйловых примерно в 1978 г. Совместно с главой семейства – жена Марья Васильевна и сыновья Андрей и Сергей

опровергает миф о природной предрасположенности русского народа к пьянству.

Теперь давайте вернемся к тому, что же говорила моя бабушка насчет пьянства. Она простой человек, и говорила это, исходя из своего жизненного опыта и понимания: «Вот все говорят, что мой Андрей (муж её) не пьёт. Хм, как же не пьёт? Еще как пьет – на каждое Рождество четвёрочку берёт!»

Отсюда ясно, что если по ее представлениям, мужик, выпивающий раз в год на Рождество 250 грамм водки, не может считаться непьющим, то выпивающий дважды в год должен выглядеть в ее глазах горьким пьяницей. Это, считайте, сто лет назад было. По-моему, лучшего ответа на Ваш вопрос не придумаешь.

Так что, утверждение, что русский человек – патологический пьяница – абсолютная ложь. Он расположен к пьянству ничуть не более чем представитель любой другой нации. И тот, кто утверждает обратное, просто не любит русского народа. Вот и все.

Конечно, в семье не без урода. Но по этим уродам нельзя составлять представление о всей нации.

О роли семьи

Буйлов: Давайте я скажу о роли семьи. С годами я пришёл к выводу – пока молодой, пока работаешь, воспитываешь детей, о многих вещах не задумываешься. Только потом, ближе к старости уже начинаешь что-то анализировать, подводить

какие-то итоги. Я вот о роли семьи начал говорить. Это я сейчас об этой роли задумываться стал. А прежде и некогда было. Я 15 часов на работе, где уж тут о чем-то еще задумываться. А тут я рассуждал как-то сам с собой и пришел к выводу, что мне очень повезло в жизни с семьей. Не то что бы я этого раньше не ценил – не задумывался просто. А тут я вдруг понял, как важно, особенно для руководителя, иметь надежный тыл. А что такое надежный тыл? Конечно же, семья! И я, конечно же, очень счастливый человек, потому что у меня такая замечательная, понимающая жена Мария Васильевна и такие прекрасные сыновья.

И вот еще какая мысль меня гложет, вот как на духу, слушайте покаяние. Не так давно я один ночью лежу на диване, никто мне не мешает, и я начинаю пытаться оценить самого себя. То есть, могу я сам себе сказать – хорошо я работал или плохо? Не могу! Попадаешь в какой-то тупик. Сам себе не могу. Не кому-то – кому-то я могу налгать, себе не могу. И лгать не могу, и правды не знаю. Вернее, не уверен, правда ли то, что я считаю правдой. И потом мне пришла такая мысль в голову: я самого себя стеснялся, не мог сказать, что я работал хорошо, но и не мог сказать, что работал плохо. И тут меня как-будто осенило: я мог сказать с чистой совестью, что не работал плохо. Это одно и то же, что работал хорошо, или нет? Вот загвоздка, хоть к психологу на прием иди. Я Вам скажу, что и Марии Васильевны стеснялся. Ну как бы я стал все это с

ней обсуждать? Подумала бы – заработался мужик совсем.

Вот идет уборка свёклы, бюро партии заседает через день, вот «поднимают» совхоз «Ясный», совхоз «Долгоруковский», меня – чрезвычайно редко, или просто никогда, меня не «полоскали». Другой раз руководителя какого-нибудь «полещут» на бюро, встаёт один, потом второй, потом ему говорят: «Да ты уже будешь работать или нет?» Я бы не выдержал. И однажды не выдержал.

Но это уже было в Управлении. Принимались решения, суть которых состояла в том, чтобы денежки выбросить, словно собаке под хвост. У меня 9 замов было, я их собираю, а они старше меня все, все из совхозов и колхозов, все вырастали с бригадиров, сейчас умерли все, с кем я работал. Вот я с ними разговариваю, и мы приходим к выводу, что надо говорить и делать. После этого я иду в Облисполком. А там мне говорят, что надо идти «налево».

Во-первых, я занял такую позицию: если не я, то кто? Конечно, я мог заму своему сказать, Нижегородцеву, покойному, тоже Владимиром Фёдоровичем звали, иди в Облисполком, я что-то приболел, голова болит, пойду домой. Я это мог сделать, и никто бы меня за это не осудил, но по совести я этого сделать не мог. Если бы сделал – сам бы себя осудил. А это хуже всего. Я себе сказал: «Владимир Фёдорович, ты начальник Управления, у тебя есть льготы, зарплата, три машины, два шофёра. Много чего есть, но и ответственность есть. Сегодня ты одного зама подставишь, завтра другого – сразу потеряешь авторитет. Нет, милый, ты уж бери все на себя, будь мужиком».

Но у нас как, порой, бывает? Раз мужиком, два мужиком, потом возникла ситуация такая, как бы невыносимая, я написал три заявления, и ушёл.

Крылов: А как это возникла невыносимая ситуация? В связи с чем?

Буйлов: А вот в связи с чем. Звонит тут с Вадинска первый секретарь, такой недалёкий был, молодой еще, и в поведении своём какой-то грязный. И вот он Дорошенко долбает: «Вы пришлите ко мне специалиста, что же мне делать с комплексом «Рахмановским»? Дохнет скотина».

И председатель Облисполкома Дорошенко мне поручает, поезжай, мол, в «Рахмановский» и разберись, что там можно сделать, чтобы скот недох. Я беру в компанию зама по строительству, двоих директоров институтов проектных, один – Ниссенбаум, другой – Сергеев, умные мужики, для нашей деревни проектной документацией занимались, ... и приезжаем.

Ходим, там дворов 15 настроили и всё изуродовали. И сделать там ничего невозможно. И вот ходим, первый секретарь райкома с нами, председатель райисполкома, начальник районного управления, главный инженер-строитель района – целая бригада получилась – человек 15–20. В один двор заходим, во второй, в третий – везде одно и то же.

Крылов: А это по какому направлению, вообще?

Буйлов: По выращиванию бычков. Они собирали с района бычков, доразрачивали до 250 кг и передавали в Вертуновку на откорм – на жом, в Заметчино. В Вертуновке стояли тысяч 8 голов, в Заметчино тысяч 10 голов. Их надо подготовить. И вот они взяли, допустим, 100 голов, а 50 из них сдохли. Кому же это интересно? Я ходил, ходил, ничего не могу. Слушаю своего зама по строительству, умница, покойный Полюхин, слушаю тех, этих, слушаю первого секретаря.

Крылов: А причина в чём?

Буйлов: Было построено всё с нарушением технологий. Строительство и технология содержания этого молодняка. Технология откорма опять же...

Крылов: Нет, а умерли-то они от чего? Бактерии какие-то, зараза?

Буйлов: Вот потому и умирали: грязь, холод, сквозняки. Для скотины сырость и сквозняки – это погиль.

Крылов: Вы слушали специалистов, а сами ещё не знали, что к чему. Как пришли к выводу такому?

Буйлов: Ну, я сам захожу во двор и думаю, вот если бы у меня... мне очень легко было поставить себя на место директора совхоза. Я же 15 лет сам был директором. Вот я и спрашиваю себя – что здесь можно сделать? Ну и к присутствующим об-

ращаюсь с тем же вопросом. А мне отвечают: «Я не знаю, для этого я Вас и позвал».

Крылов: Это кто так сказал?

Буйлов: Первый секретарь райкома, который нас туда затыгивал через председателя Облисполкома.

Крылов: А директор хозяйства? Первый секретарь райкома, он, как бы, за всё отвечает и ни за что. А директор конкретно за хозяйство.

Буйлов: А директор тоже говорит, мол, я здесь недавно работаю, тот директор, который строил, его уже нет. А я что, я не знаю, что делать. Вот видите, онидохнут, видите, грязь?

То есть, причин много. И я не раскаиваюсь, я и сейчас бы так поступил. Я смотрел, смотрел, потом сели мы за стол. «Ну, давайте, – говорю, – вот Вы, Нижегородцев Владимир Фёдорович, что бы Вы тут сделали?» «А чёрт её знает, что тут делать» – бурчит мой зам.

«А я тоже не знаю, – вторит ему Ниссенбаум. А первый секретарь всё кобенится, что-то от нас ждёт, как будто мы маги какие, вот приехали, сейчас палочкой махнем и случится чудо».

Мы что-то можем подсказать, что-то и не можем. Это был как-раз тот случай, когда не могли. Другой раз приедешь:

– Ребята, давайте вот так, вот это уберите, понятно?

– Понятно!

– Помощь нужна?

– Нужна.

– Какая?

– Металл дать.

– Сколько?

– 10 тонн.

– Пишите письмо, будет вам металл. Только сделайте, ладно?

– Ладно.

И часто получалось.

А тут – не знаю я. Тупик. И вот я в сердцах говорю: «Есть у меня одно предложение – подложить бомбу под этот ваш «Рахмановский» и рвануть, чтоб всё разлетелось на куски к чертовой матери!»

На другое же утро звонит председатель Облисполкома, зайти велит.

– Слушай, ты был в «Рахмановском»?

– Да.

– Ты, правда, сказал, что его надо взорвать?

Ну чего же отказываться, пацан,

что ли? Говорю:

– Только так его и надо. Что ещё с ним делать?

Крылов: И так это всё и осталось?

Буйлов: Осталось, конечно. Ну а как? Просто председатель Облисполкома был очень возмущён, визжит: «Вот, тебе нельзя ничего поручать, ты нам надоел, мы не знаем, что с тобой делать, ты уже зазнался!»

Крылов: Это Дорошенко?

Буйлов: Дорошенко. Это, как у настоящего хохла, голова... А был ещё такой эпизод: надо было вручить знамя, я приехал в Сердобский район по поручению Обкома. А там председатель райисполкома был дурак дураком. А первый секретарь, наоборот, был умница.

Когда вручают знамя, обычно говорят о хорошем, ну иногда, бывает, скажешь, мол, так-то все у вас хорошо, да вот вы бы, ребята, немножко обратили бы внимание на то или на это. Все же, награждать приезжаешь, а не ругать.

А председатель райисполкома, который дурак дураком, встает и начинает их всех прилюдно опускать: «Директора! Какие вы директора? Да вы, слюнявые, лопухие...» И ведь молчат все, головы нагнули и слушают это хамство как должное. Эх, раб-то в нас всегда жил. Может, сейчас его изживем? Хотя, думаю, лет 50 ещё придется изживать.

Я не выдержал, встал и этого дурака отчихвости, а он, естественно, председателю Облисполкома пожаловался: «Вот, тут меня Владимир Фёдорович так отчесал при всех!»

А кадры, как ни крути, Облисполкому подчиняются, а я использовал тот факт, что я член исполкома по должности и отдубасил его. Дорошенко меня опять, естественно, вызывает.

– Вы знаете, товарищи, дело дошло до того, что у нас Буйлов отчихвости – кого бы Вы думали? Председателя райисполкома!

А у него в кабинете сидят Ковлягин, КГБшники, все сидят.

– Вы знаете, я извиняться перед ним не собираюсь, – говорю я спокойно, – у меня такое впечатление сложилось, что он не партийный человек. Вы представляете? Я представлял функцию представителя Обкома партии, а он несёт чушь. То есть, я защищал кого? Партию.

Буйлов В.Ф. с сыном Андреем 1977 г.

Ковлягин объявляет: «Перерыв!» И пошли они все к Куликову советоваться. Говорят ему, мол, Федор Михайлович, Буйловым надо что-то делать, он ведь где-нибудь ляпнет что не так»

А в это время уже Лев Борисович уехал в Москву и титульные списки на строительство вывесили. Вот начали строить комплекс и бросили. А это получается незавершенное строительство, для того, чтобы просить деньги на новое строительство, надо закончить старое. А они зашли в тупик. Вот как в «Рахмановском».

Я еду в Москву, в министерство, и министр мне говорит: «А вы чего, собственно, приехали? У вас незавершенное строительство ещё на пятилетку, возвращайся в Пензу и заканчивай!»

Кончилось тем, что я три заявления положил на стол и ушёл.

Крылов: Это какой год был?

Буйлов: Кажется, 1998-й. Я из Академии в 1996-м вернулся, ну, да, 1998-й.

Крылов: Там как раз создали Агропрод, так что ли?

Буйлов: Я когда уезжал, было Областное управление сельского хозяйства, а когда вернулся через два года, его уже ликвидировали и организовали Агропромышленный комитет. И председателем поставили героя соцтруда, бывшего до этого секретарем райкома в Каменке, Александра Григорьевича Овтова.

А у меня ведь предложение было ехать за рубеж. Я долго никому не говорил, лет 15, я не считал, что есть необходимость это рассказывать. Не считал нужным и всё. Знала только Мария Васильевна. Мне-то, честно говоря, очень хотелось, но Мария Васильевна мне по башке дала сразу. Вы представляете, звонят из ЦК, из отдела внешних связей и делают предложение, от которого трудно отказаться. Я попросил день-другой на раздумья, с семьёй посоветоваться. Говорю жене: «Маш, поехали!» А она повернулась и ушла в другую комнату.

Да... Детей надо было оставить в Подмоскovie. Разве могла Маша на это согласиться? Да и я уж остыл, думаю, да гори она синим пламенем, эта граница! Я рассказывал уже эту историю.

С Марией Васильевной мне повезло, она умница, у неё образование – она окончила техникум бухгалтерский, потом всё рвалась на заочное в с/х в Саратов. Я говорю: «Маша, двое ребятшек, пошла на фиг. Поняла? Больше мне этот вопрос не задавай. Мне твой диплом на фиг не нужен!»

Я – хозяин, и я обязан содержать семью, чтобы у меня была лучшая квартира. Даже в деревне у меня должен быть лучший дом. Ни у кого нет в доме ванны, а у меня обязательно она должна быть. Нет ни у кого титана, греть воду, чтобы ванну налить, греют-то где? Газа-то ещё не было, только появлялся газ в баллонах, а у Владимира Фёдоровича

уже газовая плита стоит, и баллоны в сених, да ещё в запасе штук 5-6. Понимаете, я думаю, простите, если что, за нескромность, но какие-то лидерские качества заложены во мне природой. Я никогда не любил работать замом. И когда пришлось, у меня сразу начались конфликты с руководителем. Я несу ему бумагу и говорю, вот Вам, подписывайте. А он мне: «Не, я подписывать не буду, иди к другому заму». А другой зам дурак дураком. Думаю – да не пойдё! Я тоже зам, пусть даже тот – тот первый. Я выхожу, сам подписываю бумагу и отдаю ее в Облисполком. ...Вообще, руководитель должен быть, прежде всего, порядочным человеком. Кто мне эту мысль подсказал? Бог, наверное. Я сразу себе сказал, что не должен, не имею права морального сказать подчиненному, тем более, простому работяге, мол, иди, не до тебя. Я должен встретить, выслушать, ведь он идёт к руководителю. Я себя ставил на его место и думал, что мне же не нравится, когда от меня отмахиваются. Я хочу, чтобы меня выслушали. Бог мне давал такое понимание вещей.

Порядочным надо быть и в том смысле, что – не хапай. Ну, не надо. Береги честь, как говорится, смолоду. Мне очень понравилось, когда я где-то прочитал, что купцы на Руси говорили: «Нам прибыль дорога, но честь дороже». Работать надо честно, не отлынивать. Получилось это у меня? Не знаю. Говорю, как на духу: не могу оценить самого себя объективно и беспристрастно. Не могу. Тупик. Одно могу сказать со стопроцентной уверенностью, что не ошибусь – работу я любил. Очень любил, жаден был до работы.

Когда уже, знаете, Александр Сергеевич, ушёл я на пенсию, мне снилась работа каждый день. И отец еще снился после смерти, лет 20 – ежедневно. И работа. Сейчас редко, но снится. А когда ушёл, а я ведь ушёл с работы в 70 лет, я ещё у Вас немножко работал, в 70-то лет! Я никогда не забуду, когда Вы меня решили «оскорбить», и сказали, чтобы я ехал за овцами. Я шучу, конечно. Ну, я уж профессионал. Помните, я Вам сказал, что если эти овцы нужны для экономики, дайте мне время, я изучу, потому что я вижу сводку – Ставропольский край сократил на половину поголовье, Алтай сокра-

тил на 2/3, Калмыкия сократила. Почему? Мне надо выяснить. А если на шашлык Руденскому, тогда пусть еще кто-нибудь едет. Я потом позвонил в Министерство – вы же не знали это все – и один там старикашка, Овчаров, кажется, я его помню, начальник отдела овцеводства был, я его спрашиваю: «В чём дело, почему так сократили овец?» Он отвечает: «Владимир Фёдорович, Австралия – вот сейчас пароход на подходе во Владивосток – продаёт мытую шерсть доллар/кг. У нас себестоимость невымытой шерсти 3 доллара/кг».

На хер они нужны, эти овцы? Вот их и порезали. Поэтому для экономики они не годятся.

Крылов: По поводу Калмыкии, там не то, что гуляют сами по себе, откуда там себестоимость 3 доллара? Непонятно. Но она, может, и складывалась 3 доллара, я когда с директорами хозяйств разговаривал в Калмыкии, они мне конкретно говорили, что, когда они овец постигли, так сразу же окупил их годовое содержание. Шерсть дорогая была. Это был определённый перекоп, связанный с государственным планированием, и все директора в один голос говорили: «Как было хорошо при Советской власти, шерсть сдал – и весь год окупил, деньги получил». Они ходят, пасутся, едят, считай, бесплатно. Поэтому это было супервыгодно. А сейчас? Поэтому, когда пришёл рынок, Министерство обороны отказалось от заказа ткани из шерсти, отказались от тулупов из овчины, стали сокращать резко ар-

мию, стали покупать искусственные полотна за рубежом, нашлись умники, которые стали говорить, давайте, шинели будем делать из искусственного волокна!

Буйлов: Можно синтетические канаты получать, а не конопляные. Александр Сергеевич, в подтверждение Ваших слов, когда в Подмоскovie было трудно, сибиряки-то приехали в шубниках и в валенках. А немцы пришли: на одной ноге лапоть... И я где-то читал, у какого-то Барышева из воспоминаний, там он оценивал подготовку Гитлера к войне по закупкам овчины. ... Он вдруг стал закупать овчину.

А вот ещё одна история про руководителей. Была в Пензе одна женщина – Пана Константиновна... Вот Владимир Фёдорович первый год работает, был зоотехником, директором, и клуб построили, это породило ещё одну хохму.

В общем, клуб готов. А вот задники – материала-то, ткани нет, сельхозтехника не поставляет, торговля продаёт только за наличные, а я не могу за наличные, я могу, но только за безналичные. Никто ничего не может сделать – ни райком, никто.

И вдруг приезжает в район эта самая Пана Константиновна, мощная такая, она не орала, просто у неё голос был зычный. Не как у Лидии Андреевны Руслановой, у той ровный голос, как поток бежит, а эта грохочет, вот как есть гром-баба. Ну, приходит она, а её первый секретарь райкома сопровождает и мне незаметно тычет на клуб. Я

говорю: «Пана Константиновна, вот клуб сделали, только никак материалы не можем купить на задники, занавес, декорации, а там много надо». Она: «Да приезжай ко мне в понедельник к 9.00».

Я приезжаю к ней, она на Южной поляне располагалась. «Садись в машину, поехали» – командует она.

Была такая организация Росткани, на улице Володарского располагалась. Приезжаем в Росткани, она заходит к директору, а там совещание, народу полно. Но она заходит как к себе домой: «Ну, чего, сидите, платья каждый день меняете, обалдели совсем уже? Знаете, кто это со мной? Директор совхоза. (А мне только 29 лет) Он построил клуб, вы чего не продаёте ему ткань?»

– Да не имеем права.

– Права не имеете? Тогда вас надо в колхоз, а его сюда директором, вот он будет с тканями здесь мучиться, с шелками, а вы будете там свёклу обрабатывать, коров доить. Вот я вам говорю, он приедет к вам... доверенность с собой? – спрашивает меня. – С собой, Пана Константиновна, – отвечаю. – Так, иди, выписывай!

Крылов: Прямо чудеса какие-то.

Буйлов: Представляете?

Крылов: И решила всё?

Буйлов: Да вы что! Ты попробуй ей не реши, да там она тебе. Я так удивился. Вот такие вот штрихи примером были, прошло почти 50 лет, а я её помню, я её прямо вижу перед глазами. Она была намного старше меня.

Печальные истории, случившиеся с некоторыми руководителями хозяйств, которые, борясь за развитие производства, попали под уголовное преследование и оказались осужденными в колонии

В ходе обсуждения событий из жизни прошлых лет разговор зашел о событиях того времени, касающихся практики уголовного преследованиями по фактам незаконной деятельности руководителей хозяйств, с которыми В.Ф. Буйлов был лично знаком и в последующем участвовал в их судьбе. Ситуации были страшны именно своей нелепостью и не-

оправданной жестокостью, а также катастрофичностью последствий.

В то время успех деятельности руководителя и благополучие работников зависели от способности коллектива выполнить плановые задания в условиях недостатка необходимых для этого материальных фондов и финансовых средств. Повсеместно было так: финансовых средств на счетах в банке было, как правило, достаточно, а вот купить на них было ничего нельзя. Виной была система планирования, когда промышленность работала исключительно по пятилетнему плану, который верстался заранее перед завершением текущей пятилетки. Поэтому строительство больших объектов (заводы, дороги, сооружения, жилье, электростанции, объекты минобороны) предусматривалось заранее, планированием затрат материальных ресурсов, но не позднее, чем за 5 лет (в следующей пятилетке) – так называемое включение в Титульный список расходов на следующий период строительства. Поэтому для получения фондируемых материалов при отсутствии объекта строительства в Титульном списке необходимо было проявить большую изворотливость, умение мыслить креативно и заводить «уважение» со стороны районных партийных и хозяйственных органов власти. И в этих условиях каждый из руководителей сель-

хозпредприятий, стремясь выполнить производственный план, совершенствовать производственную базу совхоза, улучшить жизнь и быт работников предприятия, при этом фактически действуя бескорыстно, должен был выбрать то единственно правильное решение, за которым отсутствует нарушение закона.

Вследствие этого многие руководители, стараясь улучшить жизнедеятельность предприятия, усовершенствовать его базу, получить преференции от руководства, переступали, вольно или невольно, черту и вдруг оказывались обвиненными в якобы умышленном присвоении или растрате финансовых средств. И, как результат, подвергались суду, лишались боевых наград, отстранялись от руководства предприятиями и были осуждены к различным срокам наказания. И самое главное, что было наиболее печальным и унижительным для них, это моральная казнь, когда заслуженного и до этого уважаемого руководителя, прошедшего войну и не раз смотрящего смерти в глаза, неожиданно ославляли в прессе, и в глазах односельчан представляли как расхитителя государственных средств. Естественно, как расхитителя в целях личного обогащения.

Среди многих случаев Владимир Федорович, посчитав своим моральным долгом рассказать правду, выбрал три, касающихся своих

друзей и близких знакомых, в невиновности которых он был абсолютно уверен. И уже намного позже, вспоминая эти случаи уголовного преследования своих же коллег, он с долей неподдельного ужаса вспоминал, что на месте каждого из них легко мог оказаться и он сам. Просто волею судьбы к нему приходившие люди, предлагавшие проверить то или иное дело, не могли его убедить в необходимости заключения тех или иных договоров.

Здесь мы расскажем о следующих руководителях хозяйств, в прошлом героях-фронтовиках, победивших врага, но не разглядевших людскую хитрость и жадность, полагавшихся на человеческую честность и порядочность.

1. Директор совхоза «Большевик» Сердобского района Амбаров Евгений Николаевич и директор совхоза «Вертуновский» Каляев, участвующих в якобы присвоении средств, в связи с организацией поставок кирпича с завода в Подмошье.

2. Директор совхоза «Башмаковский» Матрунецкий, получивший 6 лет за операцию по приобретению автомобильных двигателей для автомашины ГАЗ-53.

3. Директор «Птицефабрика Васильевская», что в селе Чемодановка Бессоновского района. Верховлетов должен был получить 5 лет тюрьмы. Его обвинили в хище-

нии финансовых средств в составе группы на организацию строительства на птицефабрике подсобных помещений и площадок. В группу входили: сын Льва Борисовича Ермаина – Алексей, а также сыновья заместителя председателя Облсполкома Виноградова и председателя Облсовпрофа Александра Изосимовича Алексева.

Амбаров

Амбаров Евгений Николаевич был директором совхоза «Большевик» Сердобского района. В то время – централизованного распределения всего и вся – существовал огромный дефицит, особенно на материалы, которые были необходимы для строительства. Особенно было тяжело с кирпичом. И тут к нему приезжает одна дама из г. Люберцы Московской области и предлагает получать кирпич в счет работы бригады, которую он должен был направить из совхоза на Люберецкий кирпичный завод. А чего думать, страда закончилась, комбайнеры и водители отдыхают, либо занимаются домашним хозяйством, до ремонта техники ещё есть время, поэтому Амбаров, естественно, соглашается, и бригада уезжает в Подмоскovie и начинает работать. А в качестве оплаты по условиям договора хозяйство начинает получать столь необходимый кирпич. Всё было бы ничего, но через некоторое время эта дама появляется вновь и приносит заполненную ведомость на выдачу зарплаты работникам бригады, которую он направил на кирпичный завод. При этом она просит выдать ей всю сумму средств согласно этой ведомости с тем, чтобы она, когда вернется обратно, раздала их на месте работникам бригады. Однако, как потом было выявлено, эта дама деньги никому не выдала, а фактически присвоила себе. При этом, как было установлено следствием, завод полностью выплачивал зарплату привлекаемым из совхоза рабочим. Оказалось, что на заводе начальником отдела сбыта был некий товарищ еврейской национальности, от которого, когда он попался на очередном деле, ниточка сразу же потянулась из Люберец в Пензенскую область, и он также влетел с этой аферой.

Следует сказать, что Евгений Николаевич Амбаров по тем временам

был очень заслуженным человеком. Ветеран войны, имеющий ранения, полученные в боевых действиях, награжденный медалями и орденами, депутат областного совета, только что награжденный, уже в мирное время, орденом Ленина, на что при вручении Ермин Л.Б. сказал ему, что следующей наградой будет Звездочка. Вы можете представить состояние этого человека. И вот на суде эта баба говорит, что, получая деньги по ведомости от Амбарова для оплаты якобы работы бригады, она половину денег оставляла ему. Исаев Герман Семенович, в то время первый секретарь Пензенского райкома партии, рассказывал, что были большие проблемы с исключением его из партии. Никто не верил, что он мог пойти на такой сговор и хищение средств. В итоге договорились, что если на суде он будет оправдан, то в партии его тут же восстановят.

Буйлов В.Ф. говорит, что он встречался с Амбаровым, когда тот уже находился в тюрьме в Терновке. «Идешь по коридорам и шлюзам, а за тобой задвижки только и клацают, кажется, что и ты можешь сейчас остаться тут и не выйдешь».

– Я приехал, – говорит Буйлов, – взял с собой гостинцы, леца копченого, он его очень любил. Было видно, что Евгений Николаевич глубоко расстроен, плакал. Понятно, что не всякого пускают просто так навещать осужденного. Буйлову В.Ф. помог его хороший знакомый – судья, который помог ему в своё время изгнать из служебной квартиры, работающего у Владимира Федоровича юриста-пьяницу. Прошло время, и Амбаров Е.Н. отбыл наказание и был освобожден, а после снятия судимости приехал в Москву. Владимир Федорович тогда проходил обучение в Академии народного хозяйства при Правительстве СССР, и Амбаров, позвонив Владимиру Федоровичу, напросился остановиться у него в общежитии. Вот там он много чего ещё и рассказал. В частности о том, что эта дама на его вопрос: «Зачем она его и ещё одного руководителя совхоза «Вертуновский» Каляева оговорила?», ответила: «Я полагала, что, привлекая в соучастники таких заслуженных и уважаемых в области руководителей хозяйств, награжденных орденами и медалями, ветеранов войны, следствие будет бо-

лее благосклонным, и на суде может быть, удастся избежать наказания».

Но получилось, как мы знаем, наоборот. На вопрос о цели поездки в Москву Амбаров сказал, что хочет вернуть боевые ордена, которых его лишили при вынесении приговора, вот только не знает, стоит ли ему обратно проситься в партию или нет?

Матрунецкий

Матрунецкий Валерий директор совхоза «Митрофаньевский» ныне Башмаковского района (ранее село входило в состав Чембарского уезда). В тот период дефицит на все материалы, как уже упоминалось, был сильнейшим и, особенно, в сельских районах. Этот бич, конечно же, касался и запчастей для автотехники.

Матрунецкий был другом Владимира Федоровича и всю эту историю он рассказывал ему лично.

Однажды к Матрунецкому заехал очень известный человек, впоследствии ставший губернатором области, Бочкарев В.К. В то время он был директором автоколонны. Он предложил Матрунецкому приобрести у него 9 двигателей для автомашины ГАЗ-53 на сумму, как помнит Владимир Федорович, примерно 17 тысяч руб. По тем временам это были огромные деньги, которых вполне хватило бы приобрести, например, четыре автомашины «Жигули». Понятно, что двигатели для грузовой автомашины домой не утащишь – они нужны были исключительно для обеспечения работы сельхозпредприятия. Однако в этом предложении со стороны будущего губернатора была одна заковыка, касающаяся условий оплаты – только наличный расчет, при этом не учтенными деньгами, как сейчас говорят – «чёрным налом». Где брать деньги? Покумекав с механиком совхоза, они решили оформить документы на получение денег за якобы выполненный объем работ через «армянскую» бригаду. В то время вхождения в эпоху развитого социализма частное предпринимательство разрешалось, как правило, заезжим бригадам из союзных республик. Существовала даже некая специализация. Армяне, как и сейчас, занимались строительством автомобильных дорог внутри района или асфальтированных площадок внутри совхозов. Молдаване

– адовой работой, на которую в то время не шли ни за какие деньги местные жители – прополка све-клы. Прополка начиналась в 4 утра и длилась до наступления вечера. Как правило, время не нормировалось, люди знали на что идут ради возможности заработать. Директор хозяйства фиктивно оформил выполнение работ по строительству какого-то объекта. Таким образом, были получены наличные деньги, которые были переданы Бочкареву В.К. в обмен на поставку так необходимых для хозяйства двигателей для 9-ти автомашин ГАЗ-53.

Через некоторое время в органы пришло анонимное письмо о том, что директор совхоза выплатил деньги за невыполненный объем работ. Естественно, сигнал быстро проверили и Матрунецкий был задержан.

Через некоторое время, после того как Матрунецкий был арестован и помещен в камеру следственного изолятора, к нему ближе к ночи пришли два человека. Один из них, тогда ещё молодой прокурор по особо важным делам Илюхин Виктор Иванович и ... начальник автоколонны, будущий губернатор Пензенской области Бочкарев В.К. Предложение для Матрунецкого было конкретное: он должен был подтвердить, что получил деньги и использовал их для собственных нужд, никаких двигателей для автомашин не покупал, иначе он потянет за собой ещё одного человека. В этом случае уголовное дело будет переквалифицировано по другой статье, как хищение в составе организованной группы. «А так, – как рассказывал об этом Владимиру Федоровичу сам Матрунецкий, – мне гарантировали год или максимум полтора, и обещали после освобождения помочь с трудоустройством».

Матрунецкий поверил, согласился и ... получил 6 лет.

После освобождения он неоднократно пытался встретиться с Бочкаревым на предмет устройства на работу. Тот как-то предлагал ему помочь оформить документы для трудоустройства и проживания в закрытом городе Заречном. По истечении 6 месяцев ожидания Матрунецкий сам обратился по месту сдачи документов, где ему и сказали, что с судимостью в Заречный путь заказан.

Н.П. Верховлетов

После перевода Ермина Л.Б. на повышение в Москву, в области более тесно объединилась и стала активно действовать группа молодых людей, являющаяся сыновьями высокопоставленных партийных и советских работников.

Полагаясь на покровительство своего отца, один из сыновей Ермина, ставший негласным руководителем этой группы, стал разъезжать по территории области и предлагать «знакомым» директорам сельхозпредприятий выполнить для них работы по строительству необходимых для хозяйства объектов: зданий или объектов инфраструктуры. Один из таких директоров, у которого проводились работы, был Верховлетов Николай Петрович – директор хозяйства «Васильевская птицефабрика». После того как были выполнены кровельные работы по чрезвычайно завышенным расценкам и с большими приписками по объему работ, прокуратура начала проводить расследование. Все факты о нарушениях и приписках были установлены сразу же и не подвергались сомнению.

В отношении директора птицефабрики Верховлетова Николая Петровича расследование дела длилось более трех лет. Почти два года длилась переписка между различными уровнями депутатских советов и прокуратурой на то, чтобы они дали разрешение о лишении его депутатских полномочий. Везде следовал отказ, так как Верховлетов Н.П. был на хорошем счету. И только после публикации в 1982 г. статьи в центральной прессе о совершенных на фабрике нарушениях, расследование возобновилось, и сельский совет дал своё разрешение. История была похожа как две капли воды на предыдущие.

В состав бригады по переустройству кровли на производственных цехах птицефабрики вошли известные молодые люди и, как об этом писала центральная пресса, в ней были четверо: сын Виноградова – аспирант Александр Юрьевич, два сына Ермина по имени Леонид и Борис – студенты Пензенских ВУЗов, и некий человек по фамилии Алексеев.

Из заключения строительной экспертизы следовало, что:

«...Объем работ, фактически выполненных бригадой Виноградо-

ва, резко отличается от объема, указанного в нарядах... Размер кровли превышен на 2649 квадратных метров... Отдельные виды работ завышены в 10–16 раз... Бригаде выплачено за счет птицефабрики 14 999 руб. 89 коп., а следовало уплатить (даже при условии, что работа выполнена качественно и что договорные расценки не подлежат приведению в соответствие с государственными расценками) лишь 3509 руб. 24 коп. Переплата составила 11 490 руб. 14 коп...»

«Прокурор Пензенской области Виктор Леонтьевич Журавлев официально подтвердил и мотив, которым руководствовался директор птицефабрики, переплачивая мнимым столярам и малярам государственные деньги: «Стремясь создать благоприятное отношение к себе со стороны родителей членов бригады – ответственных должностных лиц...»

Чтобы родители за такой подарок детям «благоприятно относились» к щедрому директору, они, естественно, о нем, о подарке, должны были знать. Однако не только не возмущались преступным благодеянием – закрыли на это глаза, приняли к сведению... И наказания не понесли – кроме отца одного из членов бригады, заместителя председателя облисполкома, получившего выговор и оставшегося на прежнем посту...

Согласно приговору суда «...Верховлетов признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ст. 92 ч. III, 170 ч. II, 174 ч. I и 175 Уголовного кодекса РСФСР, и приговорен к 3 годам лишения свободы условно... Определением судебной коллегии по уголовным делам облсуда этот приговор оставлен без изменения».

Так говорит официальный источник – статья журналиста, который эту историю опубликовал для широкой общественности. Только фамилии должностных лиц были немного специально искажены (Ваксберг А.И. «Белые пятна», очерки. М.: Советский писатель. 1987 – 408 стр.)

Наступило время, когда Алексей пришел к директору племобъединения и руководителю совхоза «Ардымский» Буйлову В.Ф. Цель посещения понятна, при этом, когда шел разговор об условиях оплаты, Алексей недвусмысленно намекал, что мол и ты тоже будешь в доле. Владимир Федорович ему жестко

сказал, что пока говорить не может, так как сейчас очень занят, велел зайти позже. Прошло некоторое время, и опять Алексей заявился к Владимиру Федоровичу. Буйлов отвел молодого человека в сторону и послал его по известному адресу. В общем, выгнал его с территории хозяйства.

С предложениями построить карды для содержания скота эта группа приходила также и в совхоз «Еланский», где директором был Левенков Василий Григорьевич. Оплата производилась по нарядам. Обычно на такое предложение директор хозяйства говорит: «Всё понятно, но где я возьму материалы?».

В то время приобрести какое-либо количество любых материалов, не имея фондов (назначения в вышестоящем министерстве или управлении за год до запланированного выделения запрашиваемого количества материалов для обеспечения строительных работ и иных производственных целей) было практически невозможно. Всё в стране от дорожного столба до комплектации строительства крупного завода производилось и строилось согласно Пятилетнему плану и выделяемым на эти цели средствам и фондам. При этом деньги играли вторичную роль. Главными были назначения, запланированные на предприятия, которые должны были произвести и поставить для стройки материалы и конструкции.

Но на вопрос директора следовал ответ о том, что это не его забота. Практически же приобретение материалов выглядело так. Приходит сын Ермина на строительную базу, открывает ногой дверь в кабинет директора и приказывает ему отгрузить, например, к завтра 50 т цемента, сколько-то кубометров леса и т.д. по списку. И директор, чтобы не потерять доходное место, беспрекословно выполняет всё требуемое. Административный ресурс был сильнее действующих законов и системы распределения.

Прошло 2–3 месяца и вдруг к Буйлову приходит Бураков Виктор Степанович, начальник отдела Областного управления, и говорит: «Слушай, ты не знаешь, где сейчас находится сын Ермина?» Тот гово-

рит, что где-то крутился, но, где он сейчас, не знает.

– А в чем дело?

– Да ты знаешь, звонил Лев Борисович, сказал, чтобы я с помощью милиции срочно нашел его сына и сопроводил до Москвы.

Что впоследствии и было сделано. Ермина посадили в вагон вместе с сопровождающим и доставили в Москву, где сдали с рук на руки отцу. Таким образом, Лев Борисович смог вытащить своего сына из этого порочного круга. Но это было сделано слишком поздно. Впоследствии один из участников компании повесился. Тогда главным редактором «Литературной газеты» был Лихачев и корреспондент этой газеты опубликовал на страницах этого авторитетного издания историю «морального» падения группы молодых людей. Примечательно, что Лихачев был одним из организаторов Культурного фонда, в котором стал работать Георг Мясников, не скрывавший ненависти к своему бывшему патрону – Льву Ермину.

В качестве эпилога. Штрихи к портрету Л.Б. Ермина

16 сентября 2021 г. я звонил Буйлову В.Ф. сообщить о том, что на здании бывшего Дома офицеров областные чиновники решили установить мемориальную доску в память о Л.Б. Ермине – бывшем первом секретаре Обкома КПСС Пензенской области. Я предложил Буйлову, памятуя о его совместной работе с Львом Борисовичем, поучаствовать в этом мероприятии.

Владимир Федорович категорически отказался. Он сказал, что десятки, если не сотни раз встречался с Ерминым. Лев Борисович, возвращаясь из частых поездок по области, нередко заезжал в совхоз «Ардымский», где директорствовал В.Ф. Буйлов, чтобы посмотреть текущее состояние дел в совхозе или проверить выполнение какого-либо поручения.

– Я, вообще, считаю, – сказал Владимир Федорович, – что не надо излишне превозносить имя Ермина. Прежде всего, по причине его грубого, пренебрежительного отношения к людям. Это непростительная вещь, тем более, для руководителя такого ранга. Если и должна где-то висеть мемориальная доска в память о нем, то на здании бывшего обкома партии на площади Ленина. Там, где он работал, где находился его кабинет и где под его руководством проходили печально знаменитые бюро обкома, откуда людей, зачастую, выносили.

Л.Б. Ермин вернулся с войны в звании старшего сержанта. Был командиром орудия. Среди наград: медаль «За боевые заслуги», «За освобождение Праги», «За оборону Ленинграда», орден Славы III степени и ряд других. На фронте вступил в ряды ВКП(б). Был направлен на работу в Пензенский обком КПСС.

Отличался нетерпимым отношением к ветеранам войны, прошедшим через немецкий плен.

В качестве примера можно привести случай с Константином Михайловичем Антиповым, работником одного из совхозов Сердоб-

ского района. К.М. Антипов во время войны попал в плен, оказался в фашистском концлагере, откуда был освобожден советскими войсками. После войны он преподавал в школе села Куракино немецкий язык и был, по свидетельствам односельчан, справедливым и добрым человеком. Позже он был назначен управляющим отделением совхоза имени Ленина. Однажды, когда Л.Б. Ермин прибыл в хозяйство, он попросил, обратившись к Антипову, показать ему поросенка от только что опоросившейся свиноматки.

– А я, – говорит В.Ф. Буйлов, – только что был назначен в совхоз «Долгоруковский» главным зоотехником. И стою я в стороне и смотрю на всё это. Антипов наклонился, взял поросенка и подал его Ермину. По действующим правилам каждый поросенок в приплоде должен был иметь учетный номер, нанесенный в паху между ног. Учитывая, что свинья разрешилась со всем недавно, поросенок ещё не успел пройти соответствующую регистрацию. Ведь свинье не прикажешь подождать с опоросом из-за того, что в совхоз едет высокое начальство. Вдруг лицо Ермина искажилось яростью, он схватил Константина Михайловича за ухо и стал его выкручивать, приговаривая что-то угрожающе-унизительное для человека, тем более, фронтовика. Антипов был, вследствие уникальности своей биографии, достаточно известной личностью, и маловероятно, что Ермин мог не знать о его судьбе.

Как бы там ни было, слух о выходе первого секретаря Обкома быстро разлетелся по всей области. И, конечно, такая неоправданно грубая выходка, мягко говоря, не находила понимания у жителей области.

Вторым случаем, который, с моей точки зрения, характеризует Ермина как вздорного и недалекого руководителя, была не менее унизительная история с гусями. Однажды, прибыв в одно из хозяйств Сердобского района, Ермин увидел, что на поле озимых пасется стадо «частных» гусей. В силу своего марксистско-ленинского воспитания он имел крайне неприязненное отношение к частной собственности. Особенно эта нена-

висть и злость проявлялись в отношении к дачам. Увидев стадо гусей на совхозном поле, Ермин обратился к секретарю Сердобского райкома Зобнину Петру Дмитриевичу, который сопровождал его в поездке по району, послав его сломать хворостину из куста ивняка, растущего вблизи дороги. Когда секретарь райкома вернулся, выполнив поручение, Ермин сказал ему: «Вот теперь иди и паси гусей!» После чего захлопнул дверцу машины и уехал, оставив Зобнина посреди поля. Хорошо, что в это время Олег Гринь, ехавший следом на своей машине, остановился и подобрал его.

Здесь хотелось бы сказать о том, как дурной пример является заразительным. Аналогичные приёмы в «воспитании» подчиненных использовал и губернатор Бочкарев, словно переняв эстафету у своего предшественника. Бочкарев тоже как-то высадил своего помощника (не будем называть его фамилии, он ещё работает крупным начальником, а сейчас стал депутатом) ночью на трассе М5, где-то в районе Беднодемьяновска (сейчас Спасска). Правда, через полчаса машина вернулась и забрала помощника. Интересно, что за это время он передумал?

Буйлов: Ещё был один из серьезных способов управления и наказания руководителей хозяйств – их заслушивание на бюро обкома партии. Проведение бюро могло проходить в любое время, независимо от времени суток и дня недели. Все уже знали – если Ермин требует собрать бюро обкома – хорошего не жди.

Это был орган, главным методом работы которого, было заранее определенное заслушивание члена партии, по сути напоминающее допрос с пристрастием. Если созыв бюро был не срочным, то предварительно готовилась «объективка» – некий документ, который беспристрастно описывал состояние вопроса по теме вызванного на бюро. Обычно это проходило так.

Идет бюро. Сидят человек 15 – члены бюро обкома, и в зале 25 чел. из числа заведующих отделами обкома партии и приглашенных. Слушают Буйлова В.Ф. Тема обсуждения – «Падеж телят в совхозе «Ардымский» Пензенского

района. Начинаю говорить, что падеж – да, имеет место быть: крыши текут, полы сгнили, имеют место сквозняки. Я обращался за выделением средств, но пока вопрос не решен. Эти аргументы никого не удовлетворяют. «Вы должны изыскивать резервы!» В результате я, как-то проскочил без серьезного наказания.

Больше всего, как упоминалось выше, Ермин Л.Б. ненавидел дачи. Вернее, тех, кто эти дачи строил и проводил на них часть своего свободного времени. Повальное участие народа в строительстве дач и обработка дачного земельного участка, скорее всего, были вызваны вековой тягой человека к земле. Однако в СССР всё было регламентировано: от размера земельного участка в 5-7 соток, до высоты конька дачи и площади домика. Поэтому всё это дачное царство было похоже, если смотреть с реалий сегодняшнего времени, на скопище больших игрушечных домиков с одной комнаткой и стеклянной верандой. За нарушения в строительстве дач полагалось жесточайшее наказание – вплоть до исключения из партии. Размеры дач и участка регламентировались содержанием Записки Комитета партийного контроля, который возглавлял Пельше. В Пензе КПК при обкоме партии возглавлял Жуков.

Идет обсуждение вопроса о том, что коммунист Н имеет нарушения в строительстве дачи. Выступает Ермин Л.Б.: «Вы же коммунист, почему же Вы нарушаете требования, какой Вы подаете пример подчиненным и другим коммунистам?»

В процессе обвинений в адрес заслушиваемого он листает дело. Видно, что с вопросом до конца не ознакомился. «Так, площадь дома и участка в норме, высота крыши – тоже не превышает установленную. Так... Жуков, а где же нарушения?» Жуков вскочил и говорит, что он стройматериалы для строительства дачи получил с предприятий, которыми ему же и подчиняются: кирпич – с Земетчинского района, а шифер с Башмаковского предприятия. Ермин начинает повышать голос. «Как же Вы так смогли ободрать предприятия, кто Вам дал право, кто разрешил?»

– Лев Борисович, – отвечает заслушиваемый коммунист, – но я за всё

заплатил деньги со своей зарплаты. Но Ермина уже не остановить.

– Вы как коммунист должны отдавать все время работе, а не строить дачи из казенного кирпича!» После окончания заслушивания вопроса, N вышел с заседания бюро мокрый и с волосами, прилипшими к лицу.

Буйлов В.Ф. привел ещё один пример отношения Льва Борисовича к частной собственности.

– Как то я обратился к Ермину, чтобы он согласовал вопрос предоставления участков под дачи для работников совхоза. Место было очень хорошее – там, где располагался совхозный яблоневый сад площадью около 4 га. Конечно же, сразу получил отказ, а через некоторое время Ермин, проезжая мимо сада сказал, чтобы через неделю этого сада не было, а участок был распахан. А у меня был согласован отпуск, и на следующий день я уехал со всей семьей в Сочи. Через неделю Ермин едет проверять выполнение распоряжения, а сад стоит.

– Где Буйлов?

– Уехал в отпуск, – отвечает агроном.

– Распахать и деревья выкорчевать.

Приезжаю из отпуска, а сада-то уже и нет.

В новостях прошло сообщение, согласно которому именно Ермину вменяется в заслугу строительство Дома офицеров на Западной Поляне. Якобы, он добился приезда в Пензу начальника Генштаба Вооруженных сил СССР Маршала Советского Союза Матвея Захарова и договорился с ним о строительстве гарнизонного Дома офицеров. Поэтому мемориальную доску и решили установить именно здесь.

Очень наивное обоснование! Дело в том, что начальник генерального штаба ради строительства какого-то здания в какой-то областной центр приезжать никогда не будет. А необходимость строительства Дома офицеров вполне ясно объяснялась тем фактом, что Пензенское высшее артиллерийское инженерное училище в то время подготовкой курсантов не занималось. Здесь обучали только офицеров, до этого прослуживших не менее двух лет на должностях в войсках, сдавших вступительные экзамены, для того чтобы получить

высшее военное образование с выдачей знака академического образца белого цвета. И конечно именно для этого контингента и был необходим Дом, где офицеры могли проводить свои мероприятия и отдых. Нелепость ситуации состояла в том, что земельный участок для строительства Дома офицеров был выделен на территории ипподрома. В итоге ипподром перестал соответствовать нормам для проведения соревнований, а сам Ермин за глаза в народе был прозван евреем, который ненавидит лошадей и вредит племенной работе в коневодстве. Ермин не мог не понимать того, что он делает. Фактически это был целенаправленный шаг с целью уничтожения второго по значимости в России ипподрома: то ли лошади ему не нравились, то ли опять перед глазами стояла пресловутая частная собственность. Ненависть горожан к Ермину за это решение, а в то время существовал культ лошадей, была безграничной. Особенно старались записаться на занятия с лошадьми дети. Тренер по обучению верховой езде рассказывала, что если ребенок в возрасте 13–14 лет имел в четверти тройки, то в праве заниматься в секции ему отказывалось. Поэтому дети старались учиться только на оценки 4 и 5.

Но дело было сделано, и сегодня из-за этого недальновидного решения Ермина оказался утрачен Пензенский ипподром. В силу своей территориальной ущербности он уже не мог принимать никакие серьезные соревнования, а на его территорию положили глаз люди, решившие использовать его совсем в других целях. А сам хозяин ипподрома, известный предприниматель Владислав Кузнецов, сделавший чрезвычайно много для восстановления ипподрома и сохранения коллектива, выкупившего его из состояния банкротства, странным образом разбился, спускаясь на внедорожнике «Мицубиси –Паджеро» вниз с Западной поляны по ул. Захарова. Мне было известно две версии причины аварии: первая – оказался перерезан тормозной шланг, вторая – Кузнецова перед выездом с работы домой опоили каким-то дурманом и он потерял сознание и управление автомобилем. Именно по этой при-

чине его автомобиль налетел на бордюр, перевернулся и врезался в здание Пенсионного фонда.

Этой версии придерживался в то время уже помощник губернатора, но в прошлом начальник УВД по Пензенской области, генерал Пронин. Не секрет, что до этого трагического исхода к Кузнецову захаживали люди, явно представляющие интересы высоких должностных лиц, которые прямо требовали отдать 20% акций. Кузнецов ответил, что одним из акционеров является супруга столичного градоначальника Лужкова Елена Батурина. Но это не возымело никакого действия.

Кузнецов развил активную деятельность, построил две конюшни на 120 лошадей каждая, гостиницу для жокеев и тренеров, стал строить закрытый манеж и большой красивый забор из облицовочного кирпича. Самое главное, как он рассказал, он договорился с военными снести старое здание Дома офицеров и построить новое, но в другом месте. Таким образом, ипподром опять стал бы соответствовать необходимым нормативам для проведения соревнований любого уровня. Более того, он в личной беседе рассказывал, что к осени должен завершить строительство, и на открытие ипподрома пригласить Путина В.В. Учитывая, что Буйлов был помощником у губернатора, он на одном из мероприятий, сидя рядом с губернатором, сообщил ему, что в Пензу должен прибыть президент страны. Губернатор нервно переспросил: «Какой ещё Путин, ты что говоришь?» После ответа Бочкарев аж позеленел от злости и произнес: «Ну хорошо, я посмотрю, кто там должен приехать!»

А через некоторое время и произошла неожиданная авария, унесшая жизнь Владислава Кузнецова. Остальное известно. Земельный участок под ипподромом был выкуплен через посредника, роль которого выполнил ныне находящийся в эмиграции в Италии бывший депутат городской думы Тюгаев, ходивший в друганах у акционеров одной строительной компании, и покинувший вскоре родину по причине другого, не менее резонансного дела. Но это другая история.

МУЗЕИ – ДУХОВНЫЙ ЩИТ РОССИИ

О сохранении единого музейного пространства мы беседуем с директором Лермонтовского музея-заповедника «Тарханы» Тamarой Михайловной Мельниковой

Беседовала Светлана Февралева

– Наверняка вы слышали, как священнослужители говорят о монастырях: службы, которые ведутся там и днем, и ночью, покрывают Россию молитвенным щитом. Так же и музеи: каждый в отдельности и все вместе они создают духовный щит страны, – говорит она. – Жаль, что далеко не все это понимают. В мире сейчас бьются за нано-технологии. Да, развивать науку нужно, выводить экономику на новый уровень необходимо. Но стоит задуматься о тех, кто это делает и будет делать. Безнравственный человек станет хакером. Бездушный богач способен думать только о своей выгоде. Спортсмен без чувства Родины готов работать на кого угодно. Пустое сердце не понимает, что хорошо, что плохо. Правильное развитие и науке, и экономике, и экологии, и спорту может дать только интеллектуальный, духовный, нравственный человек.

Кроме семьи и школы, воспитанием занимаются музеи и библиотеки. На них стоит духовный мир! И наш молитвенный щит – это просвещение, пропаганда, воспитание людей на примерах великих творцов и их произведений.

Вот такая миссия у современных музеев. И, конечно, выполнять ее надо всем вместе. И не только музеям, но, в целом, культуре!

– В стране пять Лермонтовских музеев. Какое место среди них за-

нимают «Тарханы»? Как осуществляется сотрудничество?

– Все пять интересные. Но у нас – заповедник, и это очень важно. Любый музей бьется хоть за небольшую территорию. А у нас – 200 гектаров! Это дает возможность рассказать о Лермонтове так, чтобы люди поняли, откуда он вышел, откуда у него такая любовь к России, и, вообще, какие условия нужны для воспитания гения (кроме божественного дара).

У нашего музея есть все составляющие, которые дают возможность рассказать о социальной, исторической, культурной среде, взрастившей гения.

Все годы работы, а это больше 50 лет, для меня самым главным было восстановить среду, в которой Лермонтов вырос. Мир природы, который сделал из него лирика и философа. Мир крестьян, из которого он черпал корневую мудрость. Мир очень образованных дворян – его родственников и друзей.

Мы восстановили дом, усадьбу, и все это не только создает красоту, но и работает как при бабушке Лермонтова Елизавете Алексеевне Арсеньевой.

Что касается сотрудничества с Лермонтовскими музеями. Мы обмениваемся выставками, участвуем в создании общих выставочных проектов, бываем друг у друга на разных мероприятиях, учимся друг у друга.

– Когда музеи связаны одним именем, принцип взаимодействия понятен. Но 200 литературных музеев России – как в этом огромном пространстве формируются взаимосвязи, как находится общее?

– Очень просто: знания и общение. Нужно иметь общность взглядов и душевную наклонность к определенному музею – это конечно. Значение играет и родственность личностей, которым посвящены музеи. Например, Лермонтов и Пушкин. Два имени неразрывны в истории. Естественно, у нас сложились хорошие отношения с Московским музеем имени Пушкина. Чего стоит выставка, посвященная 200-летию со дня рождения Михаила Лермонтова, которая состоялась в его залах! Эта крупнейшая за все время памяти о Лермонтове экспозиция включала документальный, предметный и художественный материал из тридцати архивов и музеев. Мало того, этот столичный музей сделал замечательный полный каталог!

Дружба продолжается. Не было случая, чтобы директор Евгений Анатольевич Богатырев не приехал хоть на один наш юбилей. И всегда заметит, чего нам не хватает, предложит выставку и обеспечит ее материалами, если увидит что-то интересное у коллекционеров, обязательно сообщит.

Кстати, в настоящее время в музее Пушкина демонстрируется еще одна грандиозная выставка – «Поэт и музы». В создании экспозиции участвовали 53 литературных музея страны. Мы предоставили несколько изданий из фонда редкой книги, портреты М.Ю. Лермонтова В.А. Лопухиной, предметы XIX века, являющиеся неотъемлемой частью жизни женщины: веер, набор для духов, вышивка бисером.

Еще пример того, как находим общее. У Лермонтова есть поэма «Кавказский пленник». Произведения с таким же названием имеются у Пушкина и Льва Толстого. Все три автора бывали на Кавказе, правда, по разным причинам, и в этом интерес.

Четыре музея – Л.Н. Толстого (Москва), А.С. Пушкина (Москва), «Тарханы» и Лермонтовский в Пятигорске – объединились в общем проекте «Кавказский пленник». Выставка открылась в конце июля в Железноводске, в Культурном центре им. Л.Н. Толстого.

– А бывает, что музеи меняются выставками?

– Это обычная практика. За примером далеко ходить не надо. В апреле – июне этого года у нас «гостила» выставка «Повести покойного Ивана Петровича Белкина» в иллюстрациях Игоря Шаймарданова, которую привезли сотрудники музея-заповедника «Михайловское».

А у них примерно в это же время демонстрировалась наша выставка «Лермонтов: судьба поэта-воина».

Часто два музея объединяются, чтобы сделать совместный проект. Так мы недавно стали работать с музеем-заповедником «Абрамцево». У нас есть общее – Михаил Врубель. Лермонтов был одним из его любимых поэтов. Многие стихотворения и поэму «Демон» художник знал наизусть и любил их декламировать в кругу друзей. Однако иллюстрировать произведения начал, только перешагнув свое тридцатилетие, уже имея творческий и жизненный опыт. Но именно Лермонтов сделал Врубеля знаменитым.

Совместно с «Абрамцево» мы создали выставку «Врубель. Лермонтов. Тарханы». «Тарханы» предоставили собрания сочинений Михаила Юрьевича 1860–1870-х годов, которые мог читать художник и в детстве, и в зрелом возрасте. А наши

Выставка из фондового собрания музея-заповедника «Тарханы» «Мода, престол которой в Париже...» в Елабужском государственном историко-архитектурном и художественном музее-заповеднике»

Выставка музея-заповедника «Тарханы» «Недаром помнит вся Россия...» в выставочном зале Дворца книги Ульяновской областной научной библиотеки им. В.И. Ленина

Открытие выставки музея-заповедника «Тарханы» «Лермонтов: судьба поэта-воина» в Государственном музее-заповеднике А.С. Пушкина «Михайловское»

коллеги – произведения самого Врубеля. В экспозицию вошли оригинальные эскизы к картине «Демон поверженный» 1901 года из фондов «Тархан» и «Абрамцево». Роскошная получилась выставка!

– Можно ли спросить Вас о личных дружбах с директорами музеев? Кого Вы приглашаете, например, на свои юбилеи?

– Поймите, все наше личное связано с профессиональным. Мы так полны своей работой, она так сидит в нас, так дорога нам и столько забирает сил, что никак нельзя отделить ее от личного.

Часто собираемся, что называется, в неформальной обстановке, но о чем бы ни начали говорить, обязательно съезжаем на работу. Наверное, у многих так... Но здесь особый случай. Начинаешь говорить, и возникает душевное понимание и наполнение, потому что ты не просто рассказываешь, чем занимаешься, это и так все знают, ты переливаешь себя в другого человека.

Так было, например, с директором Тургеневского музея-заповедника «Спасское-Лутовиново» Николаем Ильичем Левиным. Почему я сказала «было»... В конце июня мы проводили его в последний путь. Для меня это огромная личная потеря.

Человек был удивительный – честный, порядочный, умный. Такой никогда не предаст, всегда защитит, но и правду скажет в глаза, даже если она горькая.

Наша дружба возникла в 1997 году, когда «Тарханы» и «Спасское-Лутовиново» вошли в перечень особо ценных объектов по одному указу. Я бывала у него много раз, сотрудники наши постоянно ездили туда и на мероприятия, и за опытом. А он тоже не пропускал наших юбилеев и праздников.

И это очень много нам всем давало, потому что в общении мы находили немало общего между такими разными людьми, как Лермонтов и Тургенев. Мы придумывали интересные проекты, делали совместные выставки, учились друг у друга.

К сожалению, по причинам, от него не зависящим, Николай Ильич ушел с поста раньше времени. Очень переживал, болел...

– Тамара Михайловна, музейщик – это призвание, талант, опыт?

– И то, и другое, и еще много чего. Музейная работа – особенная, и музейный работник – особенный специалист. Если в каком учебном заведении и готовят музейщиков (в последнее время такие появились), то

там дают лишь малую часть знаний, которые нужны. Сколько бы человек ни слушал лекций и ни читал книг, специалистом он станет, только поработав в музее, набравшись практики, напитавшись спецификой работы.

Причем, разные музеи требуют разного подхода. Ты должен пропитаться духом, который там живет, уложить в своей голове, систематизировать огромный объем информации, не потеряв при этом творческого подхода, фантазии, изобретательности. А если речь идет о заповедниках, то все эти трудности надо умножить на десять.

И чем дольше человек работает в одном музее, тем золотее он становится. И не троньте этих людей, не убирайте, сколько бы лет им ни было!

А музеев должно становиться больше. Речь идет о богатстве интеллектуальной жизни, культуры, народного творчества. И где это богатство велико, там должен возникнуть музей.

Есть такое понятие – нематериальное наследие. Это песни, сказки, загадки, басни, это танцы, праздники, игры. Мы-то в «Тарханах» успели многое собрать. На этих материалах устраиваем праздники, целые спектакли. Слава Богу, пока есть что собирать, что сохранять и показывать, чтобы духовный щит России становился крепче.

Выставка «Дань моде», организованная совместно с музеем-заповедником «Абрамцево» в Поленовской даче

Выставка «Врубель. Лермонтов. Тарханы», организованная совместно с музеем-заповедником «Абрамцево» в Поленовской даче

ФОТОСЕССИИ

индивидуальные
тематические
новогодние
семейные

Семья Матвеевых

Ольга Матвеева,
семейный психолог

 matveeva_psychologist6

 video_foto_penza

 <https://vk.com/id586844383>

 8-902-205-50-04
8-927-289-84-58

ДМИТРИЙ МУРАШОВ
ЕВГЕНИЙ ГОЛОЛОВ

**СТАРАЯ УСАДЬБА:
ЗАБЫТЫЕ ИСТОРИИ**

**НОВИНКИ
ПЕНЗЕНСКОГО
КРАЕВЕДЕНИЯ:**

**«Судьбы их тоже
чем-то похожи
на судьбы людей...»**

Истории старых усадеб
и их владельцев
в книге Д. Мурашова
и Е. Гололобова

стр. 23